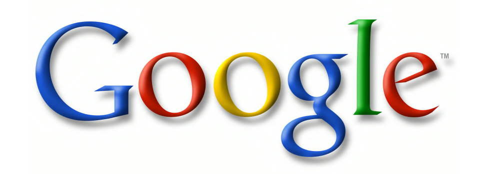

ТРЕТЬЯ

...ССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

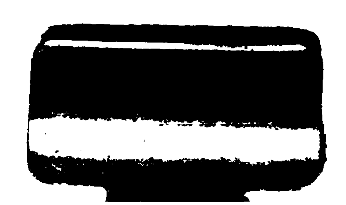
Графа Л. Н. Толстого.

ИЗДАНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ.

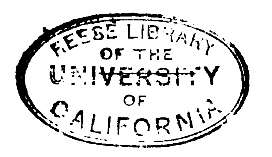
МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Кº. Пименовская ул., соб. д.
1908.

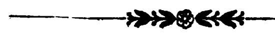
ТРЕТЬЯ

РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Графа Л. Н. Толстого.

ИЗДАНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°.** Пименов. ул., соб. д.
1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ III-й КНИГИ.

	Стр.
Царь и соколъ	5
Лисица	—
Строгое наказаніе	6
Дикій и ручной оселъ	—
Заяцъ и гончая собака	7
Олень	—
Зайцы	—
Собака и волкъ	8
Царскіе братья	—
Слѣпой и молоко	9
Русакъ	—
Волкъ и лукъ	11
Какъ мужикъ гусей дѣлилъ	—
Комаръ и левъ	12
Яблони	—
Лошадь и хозяева	14
Клопы	—
Старикъ и смерть	15
Какъ гуси Римъ спасли	—
Отчего въ морозы трещатъ деревья	16
Сырость, I	17
Сырость, II	—
Разная связь частицъ	18
Левъ и лисица	—
Праведный судья	19
Олень и виноградникъ	22
Царскій сынъ и его товарищи	—
Галчёнокъ	25
Какъ я выучился ѣздить верхомъ	26

Стр.

Топоръ и пила 28
Солдаткино житье . . . . . —
Котъ и мыши 34
Лёдъ, вода и паръ . . . . . —
Перепелка и перепелята 36
Булька 37
Булька и кабанъ 38
Фазаны 40
Мильтонъ и Булька 41
Черепаха 42
Булька и волкъ 43
Что случилось съ Булькой въ Пятигорскѣ 45
Конецъ Бульки и Мильтона 47
Птицы въ сѣти 48
Чутье 49
Собака и поваръ 51
Основаніе Рима . . . . . —
Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ 53
Кристаллы 61
Волкъ и Коза 63
Поликратъ Самосскій . . . . . —
Вольга Богатырь 66

Царь и соколъ. (Басня.)

Одинъ царь на охотѣ пустилъ за зайцемъ любимаго сокола и поскакалъ.

Соколъ поймалъ зайца. Царь отнялъ зайца и сталъ искать воды, гдѣ бы напиться. Въ бугрѣ царь нашелъ воду. Только она по каплѣ капала. Вотъ царь досталъ чашу съ сѣдла и подставилъ подъ воду. Вода текла по каплѣ, и когда чаша набралась полная, царь поднялъ ее ко рту и хотѣлъ пить. Вдругъ соколъ встрепенулся на рукѣ у царя, забилъ крыльями и выплеснулъ воду. Царь опять подставилъ чашу. Онъ долго ждалъ, пока она наберется вровень съ краями, и опять, когда онъ сталъ подносить ее ко рту, соколъ затрепыхался и разлилъ воду.

Когда въ третій разъ царь набралъ полную чашу и сталъ подносить ее къ губамъ, соколъ опять разлилъ ее. Царь разсердился и, со всего размаха ударивъ сокола объ камень, убилъ его. Тутъ подъѣхали царскіе слуги, и одинъ изъ нихъ побѣжалъ вверхъ къ роднику, чтобы найти побольше воды и скорѣе набрать полную чашу. Только и слуга не принесъ воды; онъ вернулся съ пустой чашкой и сказалъ: „Ту воду нельзя пить: въ родникѣ змѣя, и она выпустила свой ядъ въ воду. Хорошо, что соколъ разлилъ воду. Если бы ты выпилъ этой воды, ты бы умеръ“.

Царь сказалъ: „Дурно же я отплатилъ соколу: онъ спасъ мнѣ жизнь, а я убилъ его“.

Лисица. (Басня.)

Попалась лисица въ капканъ, оторвала хвостъ и ушла. И стала она придумывать, какъ бы ей свой стыдъ прикрыть.

Созвала она лисицъ и стала ихъ уговаривать, чтобъ отрубили хвосты. — „Хвостъ“, говоритъ, „совсѣмъ не кстати, только напрасно лишнюю тягость за собой таскаемъ“.--Одна лисица и говоритъ: „Охъ, не говорила бы ты этого, кабы не была куцая!“

Куцая лисица смолчала и ушла.

Строгое наказаніе. (Сказка.)

Одинъ человѣкъ пошелъ на торгъ и купилъ говядины. На торгу его обманули: дали дурной говядины, да еще обвѣсили.

Вотъ онъ идетъ домой съ говядиной и бранится. Встрѣчается ему царь и спрашиваетъ: „Кого ты бранишь?“ А онъ говоритъ: „Я браню того, кто меня обманулъ. Я заплатилъ за три фунта, а мнѣ дали только два, и то дурную говядину“. Царь и говоритъ: „Пойдемъ назадъ на торгъ; покажи того, кто тебя обманулъ“. Человѣкъ пошелъ назадъ и показалъ купца. Царь свѣсилъ при себѣ мясо: видитъ, точно обманули. Царь и говоритъ: „Ну какъ же ты хочешь, чтобъ я наказалъ купца!“ Тотъ говоритъ: „Вели вырѣзать изъ его спины столько мяса, на сколько онъ обманулъ меня“.

Царь и говоритъ: „Хорошо, возьми ножъ и вырѣжь изъ купца фунтъ мяса; только смотри, чтобъ утебя вѣсъ былъ бы вѣренъ, а если вырѣжешь больше или меньше фунта, ты виноватъ останешься“.

Человѣкъ смолчалъ и ушелъ домой.

Дикій и ручной оселъ. (Басня.)

Дикій оселъ увидалъ ручного осла, подошелъ къ нему и сталъ хвалить его жизнь: какъ и тѣломъ-то онъ гладокъ, и какой ему кормъ сладкій. Потомъ, какъ навьючили ручного осла, да какъ сзади сталъ погонщикъ подгонять его дубиной, дикій оселъ и говоритъ: „Нѣтъ, братъ, теперь не завидую,— вижу, что твое житье тебѣ бокомъ достается“.

Заяцъ и гончая собака. (Басня.)

Заяцъ сказалъ разъ гончей собакѣ: „Для чего ты лаешь, когда гонишься за нами! Ты бы скорѣй поймала насъ, если бы бѣжала молча. А съ лаемъ ты только нагоняешь насъ на охотника: ему слышно, гдѣ мы бѣжимъ, и онъ забѣгаетъ съ ружьемъ намъ навстрѣчу, убиваетъ насъ и ничего не даетъ тебѣ".

Собака сказала: „Я не для того лаю, а лаю только потому, что когда слышу твой запахъ, то и сержусь, и радуюсь, что я вотъ сейчасъ поймаю тебя,—и сама не знаю зачѣмъ, но не могу удержаться отъ лая".

Олень. (Басня).

Олень подошелъ къ рѣчкѣ напиться, увидалъ себя въ водѣ и сталъ радоваться на свои рога, что они велики и развилисты, а на ноги посмотрѣлъ и говоритъ: „только ноги мои плохи и жидки". Вдругъ выскочи левъ и бросься на оленя. Олень пустился скакать по чистому полю. Онъ уходилъ, а какъ пришелъ въ лѣсъ, запутался рогами за сучья, и левъ схватилъ его. Какъ пришло погибать оленю, онъ и говоритъ: „То-то глупый я! Про кого думалъ, что плохи и жидки, тѣ спасали, а на кого радовался, отъ тѣхъ пропалъ".

Зайцы. (Описаніе.)

Зайцы лѣсные по ночамъ кормятся корою деревьевъ, зайцы полевые — озимями и травой, гуменники — хлѣбными зернами на гумнахъ. За ночь зайцы прокладываютъ по снѣгу глубокій, видный слѣдъ. До зайцевъ охотники—и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяцъ ходилъ просто и прямо, то поутру его сейчасъ бы нашли по слѣду и поймали; но Богъ далъ ему трусость, и трусость спасаетъ его.

Заяцъ ходитъ ночью по полямъ и лѣсамъ безъ страха и прокладываетъ прямые слѣды; но какъ только приходитъ утро,

враги его просыпаются: заяцъ начинаетъ слышать то лай собакъ, то визгъ саней, то голоса мужиковъ, то трескъ волка по лѣсу, и начинаетъ отъ страху метаться изъ стороны въ сторону. Проскачетъ впередъ, испугается чего-нибудь—и побѣжитъ назадъ по своему слѣду. Еще услышитъ что-нибудь—и со всего размаха прыгнетъ въ сторону и поскачетъ прочь отъ прежняго слѣда. Опять стукнетъ что-нибудь—опять заяцъ повернется назадъ и опять поскачетъ въ сторону. Когда свѣтло станетъ, онъ ляжетъ.

На утро охотники начинаютъ разбирать заячій слѣдъ, путаются по двойнымъ слѣдамъ и далекимъ прыжкамъ и удивляются хитрости зайца. А заяцъ и не думалъ хитрить,—онъ только всего боится.

Собака и волкъ. (Басня.)

Собака заснула за дворомъ. Голодный волкъ набѣжалъ и хотѣлъ съѣсть ее. Собака и говоритъ: „Волкъ! подожди меня ѣсть,—теперь я костлява, худа. А вотъ, дай срокъ, хозяева будутъ свадьбу играть, тогда мнѣ ѣды будетъ вволю, я разжирѣю,—лучше тогда меня съѣсть“. Волкъ повѣрилъ и ушелъ. Вотъ приходитъ онъ въ другой разъ и видитъ—собака лежитъ на крышѣ. Волкъ и говоритъ: „Что-жъ, была свадьба?“ А собака и говоритъ: „Вотъ что, волкъ: коли въ другой разъ застанешь меня сонную передъ дворомъ, не дожидайся больше свадьбы“.

Царскіе братья. (Разсказъ.)

Одинъ царь шелъ по улицѣ, нищій подошелъ къ нему и сталъ просить милостыню.

Царь не далъ ничего. Нищій сказалъ: „Царь, ты, видно, забылъ, что Богъ всѣмъ одинъ Отецъ: мы всѣ братья и намъ всѣмъ дѣлиться надо“. Тогда царь остановился и сказалъ: „Ты правду говоришь, мы—братья и намъ дѣлиться надо“, и далъ нищему золотую деньгу. Нищій взялъ золотую деньгу и сказалъ: „Ты мало далъ: развѣ такъ дѣлятся съ братьями?

Надо дѣлить поровну. У тебя милліонъ денегъ, а ты мнѣ далъ одну". Тогда царь сказалъ: „То правда, что у меня милліонъ денегъ, а я тебѣ далъ одну; но у меня и братьевъ столько же, сколько денегъ".

Слѣпой и молоко. (Басня.)

Одинъ слѣпой отъ роду спросилъ зрячаго: „Какого цвѣта молоко?"

Зрячій сказалъ: „Цвѣтъ молока такой, какъ бумага бѣлая".

Слѣпой спросилъ: „А что, этотъ цвѣтъ такъ же шуршитъ подъ руками, какъ бумага?"

Зрячій сказалъ: „Нѣтъ, онъ бѣлый, какъ мука бѣлая".

Слѣпой спросилъ: „А что, онъ такой же мягкій и сыпучій, какъ мука?"

Зрячій сказалъ: „Нѣтъ, онъ просто бѣлый, какъ заяцъ бѣлякъ".

Слѣпой спросилъ: „Что же, онъ пушистый и мягкій, какъ заяцъ?"

Зрячій сказалъ: „Нѣтъ, бѣлый цвѣтъ такой точно, какъ снѣгъ".

Слѣпой спросилъ: „Что же, онъ холодный, какъ снѣгъ?"

И сколько примѣровъ зрячій ни говорилъ, слѣпой не могъ понять, какой бываетъ бѣлый цвѣтъ молока.

Русакъ. (Описаніе.)

Заяцъ-русакъ жилъ зимою подлѣ деревни. Когда пришла ночь, онъ поднялъ одно ухо, послушалъ; потомъ поднялъ другое, поводилъ усами, понюхалъ и сѣлъ на заднія лапы. Потомъ онъ прыгнулъ разъ-другой по глубокому снѣгу и опять сѣлъ на заднія лапы и сталъ оглядываться. Со всѣхъ сторонъ ничего не было видно, кромѣ снѣга. Снѣгъ лежалъ волнами и блестѣлъ, какъ сахаръ. Надъ головой зайца стоялъ морозный паръ, и сквозь этотъ паръ виднѣлись большія яркія звѣзды.

Зайцу нужно было перейти черезъ большую дорогу, чтобы придти на знакомое гумно. На большой дорогѣ слышно было,

какъ визжали полозья, фыркали лошади, скрипѣли кресла въ саняхъ.

Заяцъ опять остановился подлѣ дороги. Мужики шли подлѣ саней съ поднятыми воротниками кафтановъ. Лица ихъ были чуть видны. Бороды, усы, рѣсницы ихъ были бѣлые. Изо ртовъ и носовъ ихъ шелъ паръ. Лошади ихъ были потныя, и къ поту присталъ иней. Лошади толкались въ хомутахъ, ныряли, выныривали въ ухабахъ. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядомъ, и одинъ разсказывалъ другому, какъ у него украли лошадь.

Когда обозъ проѣхалъ, заяцъ перескочилъ дорогу и полегоньку пошелъ къ гумну. Собачёнка отъ обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась за нимъ. Заяцъ поскакалъ къ гумну по субоямъ; зайца держали субои, а собака на десятомъ прыжкѣ завязла въ снѣгу и остановилась. Тогда заяцъ тоже остановился, посидѣлъ на заднихъ лапахъ и потихоньку пошелъ къ гумну. По дорогѣ онъ, на зеленяхъ, встрѣтилъ двухъ зайцевъ. Они кормились и играли. Заяцъ поигралъ съ товарищами, покопалъ съ ними морозный снѣгъ, поѣлъ озими и пошелъ дальше. На деревнѣ было все тихо, огни были потушены. Только слышался плачъ ребенка въ избѣ черезъ стѣны, да трескъ мороза въ бревнахъ избъ. Заяцъ прошелъ на гумно и тамъ нашелъ товарищей. Онъ поигралъ съ ними на расчищенномъ току, поѣлъ овса изъ начатой кладушки, взобрался по крышѣ, занесенной снѣгомъ, на овинъ и черезъ плетень пошелъ назадъ къ своему оврагу. На востокѣ свѣтилась заря, звѣздъ стало меньше, и еще гуще морозный паръ подымался надъ землею. Въ ближней деревнѣ проснулись бабы и шли за водой; мужики несли кормъ съ гуменъ, дѣти кричали и плакали. По дорогѣ еще больше шло обозовъ, и мужики громче разговаривали.

Заяцъ перескочилъ черезъ дорогу, подошелъ къ своей старой норѣ, выбралъ мѣстечко повыше, раскопалъ снѣгъ, легъ задомъ въ новую нору, уложилъ на спинѣ уши и заснулъ съ открытыми глазами.

Волкъ и лукъ. (Басня.)

Охотникъ съ лукомъ и стрѣлами пошелъ на охоту, убилъ козу, взвалилъ на плечи и понесъ ее. По дорогѣ увидалъ онъ кабана. Охотникъ сбросилъ козу, выстрѣлилъ въ кабана и ранилъ его. Кабанъ бросился на охотника, споролъ его до смерти, да и самъ тутъ же издохъ. Волкъ почуялъ кровь и пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали коза, кабанъ, человѣкъ и его лукъ. Волкъ обрадовался и подумалъ: „Теперь я буду долго сытъ; только я не стану ѣсть всего вдругъ, а буду ѣсть понемногу, чтобы ничего не пропало: сперва съѣмъ что̀ пожестче, а потомъ закушу тѣмъ, что̀ помягче и послаще.

Волкъ понюхалъ козу, кабана и человѣка и сказалъ: „Это кушанье мягкое, я съѣмъ это послѣ, а прежде дай съѣмъ эти жилы на лукѣ“. И онъ сталъ грызть жилы на лукѣ. Когда онъ перекусилъ тетиву, лукъ разскочился и ударилъ волка по брюху. Волкъ тутъ же издохъ, а другіе волки съѣли и человѣка и козу, и кабана, и волка.

Какъ мужикъ гусей дѣлилъ. (Сказка.)

У одного бѣднаго мужика не стало хлѣба. Вотъ онъ и задумалъ попросить хлѣба у барина. Чтобы было съ чѣмъ идти къ барину, онъ поймалъ гуся, изжарилъ его и понесъ. Баринъ принялъ гуся и говоритъ мужику: „Спасибо, мужикъ, тебѣ за гуся, только не знаю, какъ мы твоего гуся дѣлить будемъ. Вотъ у меня жена, два сына, да двѣ дочери. Какъ бы намъ раздѣлить гуся безъ обиды?“ Мужикъ говоритъ: „Я раздѣлю“. Взялъ ножикъ, отрѣзалъ голову и говоритъ барину: „Ты всему дому голова, тебѣ голову“. Потомъ отрѣзалъ задокъ и подаетъ барынѣ: „Тебѣ, говоритъ, дома сидѣть, за домомъ смотрѣть, тебѣ задокъ“. Потомъ отрѣзалъ лапки и подаетъ сыновьямъ: „Вамъ, говоритъ, ножки—топтать отцовскія дорожки“. А дочерямъ далъ крылья: „Вы, говоритъ, скоро изъ дома улетите, вотъ вамъ по крылышку. А остаточки себѣ возьму!“ — И взялъ себѣ всего гуся.

Баринъ посмѣялся, далъ мужику хлѣба и денегъ.

Услыхалъ богатый мужикъ, что баринъ за гуся наградилъ бѣднаго мужика хлѣбомъ и деньгами, зажарилъ пять гусей и понесъ къ барину.

Баринъ говоритъ: „Спасибо за гусей. Да вотъ у меня жена, два сына, двѣ дочери, всѣхъ шестеро, — какъ бы намъ поровну раздѣлить твоихъ гусей?“

Сталъ богатый мужикъ думать и ничего не придумалъ.

Послалъ баринъ за бѣднымъ мужикомъ и велѣлъ дѣлить. Бѣдный мужикъ взялъ одного гуся—далъ барину съ барыней и говоритъ: „Вотъ васъ трое съ гусемъ“; одного далъ сыновьямъ: „и васъ“, говоритъ, „трое“; одного далъ дочерямъ: „и васъ трое“; а себѣ взялъ двухъ гусей: „вотъ“, говоритъ, „и насъ трое съ гусями,—всѣ поровну“.

Баринъ посмѣялся и далъ бѣдному мужику еще денегъ и хлѣба, а богатаго прогналъ.

Комаръ и левъ. (Басня.)

Комаръ прилетѣлъ ко льву и говоритъ: „Ты думаешь, въ тебѣ силы больше моего? Какъ бы не такъ! Какая въ тебѣ сила! Что царапаешь когтями и грызешь зубами, это и бабы такъ-то съ мужиками дерутся. Я сильнѣе тебя; хочешь, выходи на войну!“ И комаръ затрубилъ и сталъ кусать льва въ голыя щеки и въ носъ. Левъ сталъ бить себя по лицу лапами и драть когтями; изодралъ себѣ въ кровь все лицо и изъ силъ выбился.

Комаръ затрубилъ съ радости и улетѣлъ. Потомъ запутался въ паутину къ пауку и сталъ паукъ его сосать. Комаръ и говоритъ: „Сильнаго звѣря, льва, одолѣлъ, а вотъ отъ дрянного паука погибаю“.

Яблони. (Разсказъ.)

Я посадилъ двѣсти молодыхъ яблонь и три года весною и осенью окапывалъ ихъ, а на зиму завертывалъ соломой отъ зайцевъ. На четвертый годъ, когда сошелъ снѣгъ, пошелъ я

смотрѣть свои яблони. Онѣ потолстѣли въ зиму: кора на нихъ была глянцовитая и налитая; сучки всѣ были цѣлы и на всѣхъ кончикахъ и на развалинкахъ сидѣли круглыя, какъ горошинки, цвѣтовыя почки. Кое-гдѣ уже лопнули распуколки и виднѣлись алые края цвѣтовыхъ листьевъ. Я зналъ, что всѣ распуколки будутъ цвѣтами и плодами, и радовался глядя на свои яблони. Но когда я развернулъ первую яблоню, я увидалъ, что внизу, надъ самой землею, кора яблони была обгрызена кругомъ по самую древесину, какъ бѣлое кольцо. Это сдѣлали мыши. Я развернулъ другую яблоню — и на другой было то же самое. Изъ двухсотъ яблонь ни одной не осталось цѣлой. Я замазалъ обгрызенныя мѣста смолою съ воскомъ; но когда яблони распустились, цвѣты ихъ сейчасъ же спали. Вышли маленькіе листики — и тѣ завяли и засохли. Кора сморщилась и почернѣла. Изъ двухсотъ яблонь осталось только девять. На этихъ девяти яблоняхъ кора была не кругомъ объѣдена, а въ бѣломъ кольцѣ оставалась полоска коры. На этихъ полоскахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ расходилась кора, сдѣлались наросты, и яблони хотя и поболѣли, но пошли. Остальныя всѣ пропали, только ниже обгрызенныхъ мѣстъ пошли отростки — и то всё дикіе.

Кора у деревьевъ — тѣ же жилы у человѣка: чрезъ жилы кровь ходитъ по человѣку — и чрезъ кору сокъ ходитъ по дереву и поднимается въ сучья, листья и цвѣты. Можно изъ дерева выдолбить все нутро, какъ это бываетъ у старыхъ лозинъ, но только бы кора была жива — и дерево будетъ жить: но если кора пропадетъ — и дерево пропало. Если человѣку подрѣзать жилы, то онъ умретъ, во-первыхъ — потому, что кровь вытечетъ, а во-вторыхъ — потому, что крови не будетъ уже ходу по тѣлу.

Такъ и береза засыхаетъ, когда ребята продолбятъ лунку, чтобы пить сокъ, и весь сокъ вытечетъ.

Такъ и яблони пропали отъ того, что мыши объѣли всю кору кругомъ, и соку уже не было хода изъ кореньевъ въ сучья, листья и цвѣты.

Лошадь и хозяева. (Басня.)

У садовника была лошадь. Работы ей было много, а корму мало. И стала она молить Бога, чтобы ей перейти къ другому хозяину. Такъ и сдѣлалось. Садовникъ продалъ лошадь горшечнику. Лошадь была рада, но у горшечника еще больше прежняго стало работы. И опять стала лошадь на судьбу свою жаловаться и молиться, чтобы перейти ей къ лучшему хозяину. И то исполнилось. Горшечникъ продалъ лошадь кожевнику. Вотъ какъ увидала лошадь на кожевенномъ дворѣ конинныя шкуры, она и завыла: „Охъ, горе мнѣ бѣдной! лучше бъ у прежнихъ хозяевъ оставаться: теперь ужъ видно не на работу продали меня, а на шкуру“.

Клопы. (Разсказъ.)

Я остановился ночевать на постояломъ дворѣ. Прежде чѣмъ ложиться спать, я взялъ свѣчу и посмотрѣлъ углы кровати и стѣнъ, и когда увидалъ, что во всѣхъ углахъ были клопы, сталъ придумывать, какъ бы устроиться на ночь такъ, чтобы клопы не добрались до меня.

Со мною была складная кровать, но я зналъ, что поставь я ее и посрединѣ комнаты, клопы сползутъ со стѣнъ на полъ и съ полу, по ножкамъ кровати, доберутся и до меня; а потому я попросилъ у хозяина четыре деревянныя чашки, налилъ въ чашки воды и каждую ножку кровати поставилъ въ чашку съ водой. Я легъ, поставилъ свѣчу на полъ и сталъ смотрѣть, что будутъ дѣлать клопы. Клоповъ было много, и они уже чуяли меня: я видѣлъ, какъ они поползли по полу и взлѣзли на край чашки, и одни падали въ воду, другіе ворочались назадъ. „Перехитрилъ я васъ,—подумалъ я:—теперь не доберетесь“, и хотѣлъ уже тушить свѣчу, какъ вдругъ почувствовалъ, что меня кусаетъ что-то. Осматриваюсь: клопъ. Какъ онъ попалъ ко мнѣ? Не прошло минуты, я нашелъ другого. Я сталъ оглядываться и допытываться, какъ до меня они добрались.

Долго я не могъ понять, но наконецъ взглянулъ на потолокъ и увидалъ—клопъ лѣзъ по потолку; какъ только онъ доползъ вровень съ кроватью, онъ отцѣпился отъ потолка и упалъ на меня. „Нѣтъ, подумалъ я, васъ не перехитришь", надѣлъ шубу и вышелъ на дворъ.

Старикъ и смерть. (Басня.)

Старикъ разъ нарубилъ дровъ и понесъ. Нести было далеко; онъ измучился, сложилъ вязанку и говоритъ: „Эхъ, хоть бы смерть пришла!"—Смерть пришла и говоритъ: „Вотъ и я, чего тебѣ надо?"—Старикъ испугался и говоритъ: „Мнѣ вязанку поднять".

Какъ гуси Римъ спасли. (Исторія.)

Въ 390-мъ году до Р. Х. дикіе народы Галлы напали на Римлянъ. Римляне не могли съ ними справиться, и которые убѣжали совсѣмъ вонъ изъ города, а которые заперлись въ кремлѣ. Кремль этотъ назывался Капитолій. Остались только въ городѣ одни сенаторы. Галлы вошли въ городъ, перебили всѣхъ сенаторовъ и сожгли Римъ. Въ серединѣ Рима оставался только кремль—Капитолій, куда не могли добраться Галлы. Галламъ хотѣлось разграбить Капитолій, потому что они знали, что тамъ много богатствъ. Но Капитолій стоялъ на крутой горѣ: съ одной стороны были стѣны и ворота, а съ другой былъ крутой обрывъ. Ночью Галлы украдкою полѣзли изъ-подъ обрыва на Капитолій: они поддерживали другъ друга снизу и передавали другъ другу копья и мечи.

Такъ они потихоньку взобрались на обрывъ,—ни одна собака не услыхала ихъ.

Они уже полѣзли черезъ стѣну, какъ вдругъ гуси почуяли народъ, загоготали и захлопали крыльями. Одинъ Римлянинъ проснулся, бросился къ стѣнѣ и сбилъ подъ обрывъ одного Галла. Галлъ упалъ и свалилъ за собою другихъ. Тогда сбѣжались Римляне и стали кидать бревна и каменья подъ

обрывъ и перебили много Галловъ. Потомъ пришла помощь къ Риму, и Галловъ прогнали.

Съ тѣхъ поръ Римляне въ память этого дня завели у себя праздникъ. Жрецы идутъ наряженные по городу; одинъ изъ нихъ несетъ гуся, а за ними на веревкѣ тащатъ собаку. И народъ подходитъ къ гусю и кланяется ему и жрецу: для гусей даютъ дары, а собаку бьютъ палками до тѣхъ поръ, пока она не издохнетъ.

Отчего въ морозы трещатъ деревья?

(Разсужденіе.)

Оттого, что въ деревьяхъ есть сырость, и сырость эта замерзаетъ, какъ вода. Когда вода замерзнетъ, она раздается; а когда ей нѣтъ мѣста раздаться, она разрываетъ деревья.

Если налить воды въ бутылку и поставить на морозъ, вода замерзнетъ и разорветъ бутылку.

Когда изъ воды дѣлается лёдъ, то во льду этомъ такая сила, что если наполнить чугунную пушку водой и заморозить, то льдомъ разорветъ ее.

Отчего вода не сжимается, какъ желѣзо, отъ холода, а раздается, когда замерзнетъ? Оттого, что, когда вода замерзнетъ, ея частицы связываются между собою по другому и промежъ нихъ больше пустыхъ мѣстъ.

Для чего вода не сжимается, когда замерзнетъ? Для того, чтобы вода въ рѣкахъ и озерахъ не замерзла до дна.

Лёдъ раздается отъ мороза, отъ того дѣлается легче воды и плаваетъ на водѣ, и только снизу подмерзаетъ и дѣлается толще и толще, но никогда не замерзаетъ до дна. А если бы вода сжималась отъ мороза, какъ сжимается желѣзо, то верхняя вода замерзала бы на рѣкѣ и тонула бы, потому что лёдъ былъ бы тяжелѣе воды. Потомъ опять бы замерзла верхняя вода и тонула бы, и такъ замерзли бы озера и рѣки отъ дна и до верху.

Сырость. (Разсужденіе.)

I.

Отчего паукъ иногда дѣлаетъ частую паутину и сидитъ въ самой серединѣ гнѣзда, а иногда выходитъ изъ гнѣзда и выводитъ новую паутину?

Паукъ дѣлаетъ паутину по погодѣ, какая есть и какая будетъ. Глядя на паутину, можно узнать, какая будетъ погода; если паукъ сидитъ, забившись въ серединѣ паутины, и не выходитъ,—это къ дождю. Если онъ выходитъ изъ гнѣзда и дѣлаетъ новыя паутины, то это къ погодѣ.

Какъ можетъ паукъ знать впередъ, какая будетъ погода?

Чувства у паука такъ тонки, что когда въ воздухѣ начнетъ только собираться сырость, и мы этой сырости не слышимъ, и для насъ погода еще ясна,—для паука уже идетъ дождь.

Точно такъ же, какъ и человѣкъ раздѣтый сейчасъ почувствуетъ сырость, а одѣтый не замѣтитъ ея, такъ и для паука идетъ дождь, когда для насъ онъ только собирается.

Сырость. (Разсужденіе.)

II.

Отчего зимою двери разбухаютъ и не затворяются, а лѣтомъ ссыхаются и притворяются?

Оттого, что осенью и зимою дерево насытится водой, какъ губка, и его разопрётъ, а лѣтомъ вода выйдетъ паромъ, и оно съёжится.

Отчего слабое дерево—осина—больше разбухаетъ, а дубъ меньше?

Оттого, что въ крѣпкомъ деревѣ—дубѣ—пустого мѣста меньше и водѣ некуда набраться, а въ слабомъ деревѣ—осинѣ—пустого мѣста больше и водѣ есть куда набраться. Въ гниломъ деревѣ еще больше пустого мѣста, и отъ того гнилое дерево больше всего разбухаетъ и больше садится.

Колоды для пчелъ дѣлаютъ изъ самаго слабаго и гнилого дерева: самые лучшіе ульи бываютъ изъ гнилой лозины. Отчего это?—Оттого, что черезъ гнилую колоду проходитъ воздухъ, и для пчелъ въ такой колодѣ воздухъ легче.

Отчего доски коробятся?

Оттого, что неровно сохнутъ. Если приставить сырую доску одною стороной къ печкѣ, вода выйдетъ, и дерево сожмется съ этой стороны и потянетъ за собой другую сторону; а сырой сторонѣ сжаться нельзя, потому что въ ней вода,—и вся доска погнется.

Для того, чтобы не коробились полы, ихъ рѣжутъ изъ сухихъ досокъ на куски, и куски эти вывариваютъ въ кипяткѣ. Когда изъ нихъ вода вся выкипитъ, ихъ клеятъ, и они уже не коробятся (паркетъ).

Разная связь частицъ. (Разсужденіе.)

Отчего подушки подъ телѣги вырѣзаютъ и ступицы подъ колеса точатъ не изъ дуба, а изъ березы? Подушки и ступицы нужны крѣпкія, а дубъ не дороже березы.—Оттого, что дубъ колется вдоль, а береза не расколется, а вся измочалится.

Оттого, что дубъ хоть и плотнѣе связанъ, чѣмъ береза, да связанъ такъ, что расходится вдоль, а береза не расходится.

Отчего колеса и полозья гнутъ изъ дуба и вяза, а не гнутъ изъ березы и липы?

Оттого, что дубъ и вязъ, когда ихъ распарятъ въ банѣ, гнутся и не ломаются, а береза и липа на всѣ стороны мочалятся.

Все оттого, что частицы дерева въ дубѣ и березѣ иначе связаны.

Левъ и лисица. (Басня.)

Левъ отъ старости не могъ уже ловить звѣрей и задумалъ хитростью жить: зашелъ онъ въ пещеру, легъ и притворился больнымъ. Стали ходить звѣри его провѣдывать, и онъ съѣдалъ тѣхъ, которые входили къ нему въ пещеру. Лисица смекнула

дѣло, стала у входа въ пещеру и говоритъ: „Что, левъ, какъ можешь?“

Левъ говоритъ: „Плохо. Да ты отчего же не входишь?“

А лисица говоритъ: „Оттого не вхожу, что по слѣдамъ вижу—входовъ много, а выходовъ нѣтъ“.

Праведный судья. (Сказка.)

Одинъ Алжирскій царь Бауакасъ захотѣлъ самъ узнать, правду ли ему говорили, что въ одномъ изъ его городовъ есть праведный судья, что онъ сразу узнаетъ правду и что отъ него ни одинъ плутъ не можетъ укрыться. Бауакасъ переодѣлся въ купца и поѣхалъ верхомъ на лошади въ тотъ городъ, гдѣ жилъ судья. У въѣзда въ городъ къ Бауакасу подошелъ калѣка—сталъ просить милостыню. Бауакасъ подалъ ему и хотѣлъ ѣхать дальше, но калѣка уцѣпился ему за платье. „Что тебѣ нужно?“ спросилъ Бауакасъ: „развѣ я не далъ тебѣ милостыню?“—„Милостыню ты далъ“, сказалъ калѣка, „но еще сдѣлай милость—довези меня на твоей лошади до площади, а то лошади и верблюды какъ бы не раздавили меня“. Бауакасъ посадилъ калѣку сзади себя и довезъ его до площади. На площади Бауакасъ остановилъ лошадь. Но нищій не слѣзалъ. Бауакасъ сказалъ: „Что жъ сидишь, слѣзай, мы пріѣхали“. А нищій сказалъ: „Зачѣмъ слѣзать,—лошадь моя; а не хочешь добромъ отдать лошадь, пойдемъ къ судьѣ“. Народъ собрался вокругъ нихъ и слушалъ, какъ они спорили; всѣ закричали: „Ступайте къ судьѣ, онъ васъ разсудитъ“.

Бауакасъ съ калѣкою пошли къ судьѣ. Въ судѣ былъ народъ, и судья вызывалъ по очереди тѣхъ, кого судилъ. Прежде чѣмъ чередъ дошелъ до Бауакаса, судья вызвалъ ученаго и мужика: они судились за жену. Мужикъ говорилъ, что это его жена, а ученый говорилъ, что его жена. Судья выслушалъ ихъ, помолчалъ и сказалъ: „Оставьте женщину у меня, а сами приходите завтра“.

Когда эти ушли, вошли мясникъ и масленникъ. Мясникъ былъ весь въ крови, а масленникъ въ маслѣ. Мясникъ дер-

жалъ въ рукѣ деньги, масленникъ—руку мясника. Мясникъ сказалъ: „Я купилъ у этого человѣка масло и вынулъ кошелекъ, чтобы расплатиться, а онъ схватилъ меня за руку и хотѣлъ отнять деньги. Такъ мы и пришли къ тебѣ,—я держу въ рукѣ кошелекъ, а онъ держитъ меня за руку. Но деньги мои, а онъ—воръ“.

А масленникъ сказалъ: „Это неправда. Мясникъ пришелъ ко мнѣ покупать масло. Когда я налилъ ему полный кувшинъ, онъ попросилъ меня размѣнять ему золотой. Я досталъ деньги и положилъ ихъ на лавку, а онъ взялъ ихъ и хотѣлъ бѣжать. Я поймалъ его за руку и привелъ сюда“.

Судья помолчалъ и сказалъ: „Оставьте деньги у меня и приходите завтра“.

Когда очередь дошла до Бауакаса и до калѣки, Бауакасъ разсказалъ, какъ было дѣло. Судья выслушалъ его и спросилъ нищаго. Нищій сказалъ: „Это все неправда. Я ѣхалъ верхомъ черезъ городъ, а онъ сидѣлъ на землѣ и просилъ меня подвезти его. Я посадилъ его на лошадь и довезъ, куда ему нужно было; но онъ не хотѣлъ слѣзать и сказалъ, что лошадь его. Это неправда“.

Судья подумалъ и сказалъ: „Оставьте лошадь у меня и приходите завтра“.

На другой день собралось много народу слушать, какъ разсудитъ судья.

Первые подошли ученый и мужикъ.

—„Возьми свою жену“,—сказалъ судья ученому,—„а мужику дать 50 палокъ“. Ученый взялъ свою жену, а мужика тутъ же наказали.

Потомъ судья вызвалъ мясника.

—„Деньги твои“,—сказалъ онъ мяснику; потомъ онъ указалъ на масленника и сказалъ ему: „а ему дать 50 палокъ“.

Тогда позвали Бауакаса и калѣку. „Узнаешь ты свою лошадь изъ двадцати другихъ?“ спросилъ судья Бауакаса.

—„Узнаю“.

—„А ты?“

— „И я узнаю“,— сказалъ калѣка.

— „Иди за мной“,— сказалъ судья Бауакасу.

Они вошли въ конюшню. Бауакасъ сейчасъ же промежъ другихъ двадцати лошадей показалъ на свою. Потомъ судья вызвалъ калѣку въ конюшню и тоже велѣлъ ему указать на лошадь. Калѣка призналъ лошадь и показалъ ее. Тогда судья сѣлъ на свое мѣсто и сказалъ Бауакасу:

— „Лошадь твоя: возьми ее. А калѣкѣ дать 50 палокъ“.

Послѣ суда судья пошелъ домой, а Бауакасъ пошелъ за нимъ.

— „Что же ты, или не доволенъ моимъ рѣшеніемъ?“— спросилъ судья.

— „Нѣтъ, я доволенъ“, — сказалъ Бауакасъ. „Только хотѣлось бы мнѣ знать, почему ты узналъ, что жена была ученаго, а не мужика, что деньги были мясниковы, а не масленниковы, и что лошадь была моя, а не нищаго?“

— „Про женщину я узналъ вотъ какъ: позвалъ ее утромъ къ себѣ и сказалъ ей: налей чернилъ въ мою чернильницу. Она взяла чернильницу, вымыла ее скоро и ловко и налила чернилъ. Стало-быть она привыкла это дѣлать. Будь она жена мужика, она не сумѣла бы этого сдѣлать. Выходитъ, что ученый былъ правъ.—Про деньги я узналъ вотъ какъ: положилъ я деньги въ чашку съ водой и сегодня утромъ посмотрѣлъ— всплыло ли на водѣ масло. Если бы деньги были масленниковы, то онѣ были бы запачканы его маслеными руками. На водѣ масла не было, стало-быть мясникъ говоритъ правду.

„Про лошадь узнать было труднѣе. Калѣка такъ же, какъ и ты, изъ двадцати лошадей сейчасъ же указалъ на лошадь. Да я не для того приводилъ васъ обоихъ въ конюшню, чтобы видѣть, узнаете ли вы лошадь, а для того, чтобы видѣть— кого изъ васъ двоихъ узнаетъ лошадь. Когда ты подошелъ къ ней, она обернула голову, потянулась къ тебѣ; а когда калѣка тронулъ ее, она прижала уши и подняла ногу. Поэтому я узналъ, что ты настоящій хозяинъ лошади“.

Тогда Бауакасъ сказалъ:

—„Я не купецъ, а царь Бауакасъ. Я пріѣхалъ сюда, чтобы

видѣть, правда ли то, что говорятъ про тебя. Я вижу теперь, что ты мудрый судья. Проси у меня, чего хочешь, я награжу тебя".

Судья сказалъ: „Мнѣ не нужно награды; я счастливъ уже тѣмъ, что царь мой похвалилъ меня".

Олень и виноградникъ. (Басня.)

Олень спрятался отъ охотниковъ въ виноградникъ. Когда охотники проминовали его, олень сталъ объѣдать виноградные листья.

Охотники примѣтили, что листья шевелятся, и думаютъ: „не звѣрь ли тутъ подъ листьями",—выстрѣлили и ранили оленя.

Олень и говоритъ умираючи: „Подѣломъ мнѣ за то, что я хотѣлъ съѣсть листья тѣ самые, какіе спасли меня".

Царскій сынъ и его товарищи. (Сказка.)

У царя было два сына. Царь любилъ старшаго и отдалъ ему все царство. Мать жалѣла меньшаго сына и спорила съ царемъ. Царь на нее за то сердился, и каждый день была у нихъ изъ-за этого ссора. Меньшій царевичъ и подумалъ: „лучше мнѣ уйти куда-нибудь",—простился съ отцомъ и матерью, одѣлся въ простое платье и пошелъ странствовать.

На пути сошелся онъ съ купцомъ. Купецъ разсказалъ царевичу, что былъ онъ прежде богатъ, но что всѣ его товары потонули въ морѣ, и что онъ идетъ теперь въ чужіе края поискать счастья.

Они пошли вмѣстѣ. На третій день сошелся съ ними еще товарищъ. Они разговорились, и новый товарищъ разсказалъ, что онъ мужикъ; были у него домъ и земля, но что была война, поля его стоптали и дворъ его сожгли,—не при чемъ ему стало жить,—и что идетъ онъ теперь искать работы на чужую сторону.

Они пошли всѣ вмѣстѣ. Подошли они къ большому городу и сѣли отдохнуть. Вотъ мужикъ и говоритъ: „Ну, братцы, будетъ намъ гулять, теперь мы пришли къ городу, надо намъ за работу приниматься, кто какую умѣетъ".

Купецъ говоритъ. „Я умѣю торговать. Если бъ у меня было хоть немного денегъ, я бы много наторговалъ“.

А царевичъ говоритъ: „А я не умѣю ни работать, ни торговать, я только умѣю царствовать. Если бъ было у меня царство, я бы хорошо царствовалъ“.

А мужикъ говоритъ: „А мнѣ ни денегъ, ни царства не нужно; у меня только бы ноги ходили, да руки ворочали,— я проживу и васъ еще прокормлю. А то вы, пока кто денегъ, а кто царства дожидаетесь, съ голоду помрете“.

А царевичъ говоритъ: „Купцу деньги нужны, мнѣ царство нужно, тебѣ сила нужна, чтобъ работать: а и деньги, и царство, и сила—намъ отъ Бога. Захочетъ Богъ—и мнѣ царство дастъ, и тебѣ силу, а не захочетъ—ни тебѣ силы, ни мнѣ царства не дастъ“.

Мужикъ не сталъ слушать, а пошелъ въ городъ. Въ городѣ онъ нанялся таскать дрова. Ввечеру ему заплатили деньги. Онъ ихъ принесъ товарищамъ и говоритъ: „Вы покуда собираетесь царствовать, а я ужъ заработалъ“.

На другой день купецъ выпросилъ денегъ у мужика и пошелъ въ городъ.

На торгу купецъ узналъ, что въ городѣ мало масла и каждый день ждутъ новаго привоза. Купецъ пошелъ на пристань и сталъ высматривать корабли. При немъ пришелъ корабль съ масломъ. Купецъ прежде всѣхъ вошелъ на корабль, отыскалъ хозяина, купилъ все масло и далъ задатокъ. Потомъ купецъ побѣжалъ въ городъ, перепродалъ масло и за свои хлопоты заработалъ денегъ въ десять разъ больше противъ мужика и принесъ товарищамъ.

Царевичъ и говоритъ: „Ну, теперь мой чередъ идти въ городъ. Вамъ обоимъ посчастливилось, можетъ и мнѣ то же будетъ. Для Бога ничего не трудно,—что тебѣ мужику дать работу, что купцу барыши, что царевичу царство“.

Входитъ царевичъ въ городъ, видитъ онъ—народъ ходитъ по улицамъ и плачетъ. Царевичъ сталъ спрашивать, о чемъ плачутъ. Ему говорятъ: „Развѣ не знаешь, нынче въ ночь

нашъ царь умеръ, и другого царя намъ такого не найти".— „Отчего же онъ умеръ?" — „Да должно быть злодѣи наши отравили".—Царевичъ разсмѣялся и говоритъ:—„Этого не можетъ быть".

Вдругъ одинъ человѣкъ присмотрѣлся къ царевичу, примѣтилъ, что онъ говоритъ не чисто по-ихнему и одѣтъ не такъ, какъ всѣ въ городѣ, и крикнулъ: „Ребята! этотъ человѣкъ подосланъ къ намъ отъ нашихъ злодѣевъ разузнавать про нашъ городъ. Можетъ, онъ самъ отравилъ царя. Видите, онъ и говоритъ не по-нашему и смѣется, когда мы всѣ плачемъ. Хватайте его, ведите въ тюрьму!"

Царевича схватили, отвели въ тюрьму и два дня не давали ему пищи. На третій день пришли за царевичемъ и повели его на судъ. Народа собралось много слушать, какъ будутъ судить царевича.

На судѣ царевича спросили, кто онъ и зачѣмъ пришелъ въ ихъ городъ? Царевичъ сказалъ: „Я—царскій сынъ. Мой отецъ отдалъ все царство старшему брату, а мать за меня заступалась, и изъ-за меня отецъ съ матерью ссорились. Я этого не захотѣлъ, простился съ отцомъ и матерью и ушелъ странствовать. По дорогѣ встрѣтилъ я двухъ товарищей: купца и мужика, и съ ними подошелъ къ вашему городу. Когда мы сидѣли и отдыхали за городомъ, мужикъ сказалъ, что надо теперь работать, кто что умѣетъ; купецъ сказалъ, что онъ умѣетъ торговать, но что у него денегъ нѣтъ; а я сказалъ, что я умѣю только царствовать, да у меня царства нѣтъ. Мужикъ сказалъ, что мы съ голоду помремъ, дожидаючи денегъ да царства, а что у него есть сила въ рукахъ и что онъ и себя и насъ прокормитъ. И онъ пошелъ въ городъ, заработалъ деньги и принесъ намъ. Купецъ на эти деньги пошелъ и наторговалъ вдесятеро. И я тоже пошелъ въ городъ, и вотъ меня взяли и понапрасну посадили въ тюрьму, и два дня не давали ѣсть и теперь хотятъ казнить. Да я этого ничего не боюсь, потому что знаю, что все отъ Бога, и захочетъ Богъ, такъ вы меня царемъ сдѣлаете".

Когда онъ все это сказалъ, судья замолчалъ и не зналъ, что говорить. Вдругъ одинъ человѣкъ изъ народа закричалъ: „Намъ Богъ послалъ этого царевича. Мы не найдемъ себѣ лучше царя! Выбирайте его въ цари!“

И всѣ выбрали его царемъ.

Когда его выбрали царемъ, царевичъ послалъ за городъ привести къ себѣ своихъ товарищей. Когда имъ сказали, что ихъ требуетъ царь, они испугались: думали, что они сдѣлали какую-нибудь вину въ городѣ. Но имъ нельзя было убѣжать, и ихъ привели къ царю. Они упали къ нему въ ноги, но царь велѣлъ встать. Тогда они узнали своего товарища. Царь разсказалъ имъ все, что съ нимъ было, и сказалъ имъ: „Видите ли вы, что моя правда? Худое и доброе— все отъ Бога. И Богу не труднѣе дать царство царевичу, чѣмъ купцу—барышъ, а мужику—работу“.

Онъ наградилъ ихъ и оставилъ жить въ своемъ царствѣ.

Галченокъ. (Басня.)

Пустынникъ увидалъ разъ въ лѣсу сокола. Соколъ принесъ въ гнѣздо кусокъ мяса, разорвалъ мясо на маленькіе куски и сталъ кормить галченка.

Пустынникъ удивился, какъ такъ соколъ кормитъ галченка, и подумалъ: „галченокъ, и тотъ у Бога не пропадетъ: и научилъ же Богъ этого сокола кормить чужого сироту. Видно Богъ всѣхъ тварей кормитъ, а мы все о себѣ думаемъ. Перестану я о себѣ заботиться, не буду себѣ припасать пищи. Богъ всѣхъ тварей не оставляетъ, и меня не оставитъ“.

Такъ и сдѣлалъ: сѣлъ въ лѣсу и не вставалъ съ мѣста, а только молился Богу. Три дня и три ночи онъ пробылъ безъ питья и ѣды. На третій день пустынникъ такъ ослабѣлъ, что ужъ не могъ поднять руки. Отъ слабости онъ заснулъ. И приснился ему старецъ. Старецъ будто подошелъ къ нему и говоритъ: „Ты зачѣмъ себѣ пищи не припасаешь? Ты думаешь Богу угодить, а ты грѣшишь. Богъ такъ міръ устроилъ, чтобъ каждая тварь добывала себѣ нужное. Богъ велѣлъ соколу кор-

мить галченка, потому что галченокъ пропалъ бы безъ сокола; а ты можешь самъ работать. Ты хочешь испытывать Бога, а это грѣхъ. Проснись и работай попрежнему".

Пустынникъ проснулся и сталъ жить попрежнему.

Какъ я выучился ѣздить верхомъ. (Разсказъ барина.)

Когда жили въ городѣ, мы каждый день учились, только по воскресеньямъ и по праздникамъ ходили гулять и играли съ братьями. Одинъ разъ батюшка сказалъ: „Надо старшимъ дѣтямъ учиться ѣздить верхомъ. Послать ихъ въ манежъ". Я былъ меньше всѣхъ братьевъ и спросилъ: „А мнѣ можно учиться?" Батюшка сказалъ: „Ты упадешь". Я сталъ просить его, чтобы меня тоже учили, и чуть не заплакалъ. Батюшка сказалъ: „Ну, хорошо, и тебя тоже. Только смотри: не плачь, когда упадешь. Кто ни разу не упадетъ съ лошади, не выучится верхомъ ѣздить".

Когда пришла середа, насъ троихъ повезли въ манежъ. Мы вошли на большое крыльцо, а съ большого крыльца прошли на маленькое крылечко. А подъ крылечкомъ была очень большая комната. Въ комнатѣ вмѣсто пола былъ песокъ. И по этой комнатѣ ѣздили верхомъ господа и барыни, и такіе же мальчики, какъ мы. Это и былъ манежъ. Въ манежѣ было не совсѣмъ свѣтло и пахло лошадьми, и слышно было, какъ хлопаютъ бичами, кричатъ на лошадей, и лошади стучатъ копытами о деревянныя стѣны. Я сначала испугался и не могъ ничего разсмотрѣть. Потомъ нашъ дядька позвалъ берейтора и сказалъ: „Вотъ этимъ мальчикамъ дайте лошадей, они будутъ учиться ѣздить верхомъ". Берейторъ сказалъ: „Хорошо".

Потомъ онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „этотъ малъ очень". А дядька сказалъ: „Онъ обѣщаетъ не плакать, когда упадетъ". Берейторъ засмѣялся и ушелъ.

Потомъ привели трехъ осѣдланныхъ лошадей; мы сняли шинели и сошли по лѣстницѣ внизъ въ манежъ. Берейторъ держалъ лошадь за корду *), а братья ѣздили кругомъ него.

*) Корда—веревка, для того, чтобы по кругу гонять лошадей

Сначала они ѣздили шагомъ, потомъ рысью. Потомъ привели маленькую лошадку. Она была рыжая, и хвостъ у нея былъ обрѣзанъ. Ее звали Червончикъ. Берейторъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: „Ну, кавалеръ, садитесь". Я и радовался и боялся, и старался такъ сдѣлать, чтобы никто этого не замѣтилъ. Я долго старался попасть ногою въ стремя, но никакъ не могъ, потому что я былъ слишкомъ малъ. Тогда берейторъ поднялъ меня на руки и посадилъ. Онъ сказалъ: „Не тяжелъ баринъ,— фунта два, больше не будетъ".

Онъ сначала держалъ меня за руку; но я видѣлъ, что братьевъ не держали, и просилъ, чтобъ меня пустили. Онъ сказалъ: „А не боитесь?" Я очень боялся, но сказалъ, что не боюсь. Боялся я больше того, что Червончикъ все поджималъ уши. Я думалъ, что онъ на меня сердится. Берейторъ сказалъ: „Ну, смотрите же, не падайте!" и пустилъ меня. Сначала Червончикъ ходилъ шагомъ, и я держался прямо. Но сѣдло было скользкое, и я боялся свернуться. Берейторъ меня спросилъ: „Ну что, утвердились?" Я ему сказалъ: „Утвердился". „Ну, теперь рысцой!"—и берейторъ защелкалъ языкомъ.

Червончикъ побѣжалъ маленькою рысью, и меня стало подкидывать. Но я все молчалъ и старался не свернуться на бокъ. Берейторъ меня похвалилъ: „Ай да кавалеръ, хорошо!" Я былъ очень этому радъ.

Въ это время къ берейтору подошелъ его товарищъ и сталъ съ нимъ разговаривать, и берейторъ пересталъ смотрѣть на меня.

Только вдругъ я почувствовалъ, что я свернулся немножко на бокъ съ сѣдла. Я хотѣлъ поправиться, но никакъ не могъ. Я хотѣлъ закричать берейтору, чтобъ онъ остановилъ, но думалъ, что будетъ стыдно, если я это сдѣлаю, и молчалъ. Берейторъ не смотрѣлъ на меня. Червончикъ все бѣжалъ рысью, и я еще больше сбился на бокъ. Я посмотрѣлъ на берейтора и думалъ, что онъ поможетъ мнѣ: а онъ все разговаривалъ съ своимъ товарищемъ и, не глядя на меня, приговаривалъ: „Молодецъ, кавалеръ!" Я ужъ совсѣмъ былъ на боку и очень

испугался. Я думалъ, что я пропалъ. Но кричать мнѣ стыдно было. Червончикъ тряхнулъ меня еще разъ, я совсѣмъ соскользнулъ и упалъ на землю. Тогда Червончикъ остановился, берейторъ оглянулся и увидалъ, что на Червончикѣ меня нѣтъ. Онъ сказалъ: „Вотъ-те на! свалился кавалеръ мой“,—и подошелъ ко мнѣ. Когда я ему сказалъ, что не ушибся, онъ засмѣялся и сказалъ: „Дѣтское тѣло мягкое“. А мнѣ хотѣлось плакать. Я попросилъ, чтобы меня опять посадили, и меня посадили. И я ужъ больше не падалъ.

Такъ мы ѣздили въ манежѣ два раза въ недѣлю, и я скоро выучился ѣздить хорошо и ничего не боялся.

Топоръ и пила. (Басня.)

Пошли два мужика въ лѣсъ за деревомъ. У одного былъ топоръ, а у другого пила. Вотъ они выбрали дерево и стали спорить: одинъ говоритъ: надо дерево срубить, а другой говоритъ: надо спилить.

Третій мужикъ и говоритъ: „Я сейчасъ помирю васъ: если топоръ востеръ, то лучше рубить, а если пила еще вострѣе, то лучше пилить“. Онъ взялъ топоръ и сталъ рубить дерево. Но топоръ былъ такъ тупъ, что имъ нельзя было рубить.

Онъ взялъ пилу: пила была плохая и совсѣмъ не рѣзала. Тогда онъ сказалъ: „Вы подождите спорить,—топоръ не рубитъ, а пила не рѣжетъ. Вы прежде отточите топоръ да поправьте пилу, а потомъ уже спорьте“. Но тѣ мужики еще пуще разсердились другъ на друга за то, что у одного былъ не точеный топоръ, а у другого пила тупая, и они стали драться.

Солдаткино житье. (Разсказъ мужика.)

Мы жили бѣдно на краю деревни. Была у меня мать, нянька (старшая сестра) и бабушка. Бабушка ходила въ старомъ чупрунѣ и худенькой панёвѣ, а голову завязывала какой-то ветошкой, и подъ горломъ у ней висѣлъ мѣшочекъ. Бабушка любила и жалѣла меня больше матери. Отецъ мой былъ въ солдатахъ. Говорили про него, что онъ много пилъ и за то его

отдали въ солдаты. Я какъ сквозь сонъ помню, онъ приходилъ къ намъ на побывку. Изба наша была тѣсная и подпертая въ серединѣ рогулиной, и я помню, какъ я лазилъ на эту подпорку, оборвался и разбилъ себѣ лобъ объ лавку. И до сихъ поръ мѣтина эта осталась у меня на лбу.

Въ избѣ были два маленькія окна, и одно всегда было заткнуто ветошкой. Дворъ нашъ былъ тѣсный и раскрытый. Въ серединѣ стояло старое корыто. На дворѣ была только одна старая кособокая лошаденка; коровы у насъ не было, были двѣ плохенькія овчёнки и одинъ ягнёнокъ. Я всегда спалъ съ этимъ ягнёнкомъ. Ѣли мы хлѣбъ съ водою. Работать у насъ было некому; мать моя всегда жаловалась отъ живота, а бабушка—отъ головы и всегда была около печки. Работала только одна моя нянька, и то въ свою долю, а не въ семью, покупала себѣ наряды и собиралась замужъ.

Помню я, мать стала больнѣе, и потомъ родился у ней мальчикъ. Мамушку положили въ сѣни. Бабушка заняла у сосѣда крупицъ и послала дядю Нефёда за попомъ. А сестра пошла собирать народъ на крестины.

Собрался народъ, принесли три ковриги хлѣба. Родня стала разставлять столы и покрывать скатертями. Потомъ принесли скамейки и ушатъ съ водой. И всѣ сѣли по мѣстамъ. Когда пріѣхалъ священникъ, кумъ съ кумой стали впереди, а позади стала тётка Акулина съ мальчикомъ. Стали молиться, потомъ вынули мальчика, и священникъ взялъ его и опустилъ въ воду. Я испугался и закричалъ: „Дай мальчика сюда!“ Но бабушка разсердилась на меня и сказала: „Молчи, а то побью“.

Священникъ окунулъ его три раза и отдалъ теткѣ Акулинѣ. Тетка завернула его въ миткаль и отнесла къ матери въ сѣни.

Потомъ всѣ сѣли за столы, бабушка наложила каши двѣ чашки, налила постное масло и подала народу. Когда всѣ наѣлись, вылѣзли изъ-за столовъ, поблагодарили бабушку и ушли.

Я пошелъ къ матери и говорю:

— „Ма, какъ его зовутъ?“

Мать говоритъ: „Такъ же, какъ тебя“. Мальчикъ былъ ху-

дой; ножки, ручки у него были тоненькія, и онъ все кричалъ. Когда ни проснешься ночью, онъ все кричитъ, а мамушка все баюкаетъ, припѣваетъ. Сама кряхтитъ, а все поетъ.

Одинъ разъ ночью я проснулся и слышу—мать плачетъ. Бабушка встала и говоритъ: „Что ты, Христосъ съ тобой!" Мать говоритъ: „Мальчикъ померъ".

Бабушка зажгла огонь, обмыла мальчика, надѣла чистую рубашечку, подпоясала и положила подъ святые. Когда разсвѣло, бабушка вышла изъ избы и привела дядю Нефёда. Дядя принесъ двѣ старенькія тесинки и сталъ дѣлать гробикъ. Сдѣлалъ маленькое домовище и положилъ мальчика туда. Потомъ мать сѣла къ гробику и тонкимъ голосомъ стала причитать и завыла. Потомъ дядя Нефёдъ взялъ гробикъ подъ мышку и понесъ хоронить.

Только у насъ и было радости, какъ мы няньку отдавали замужъ. Пріѣхали къ намъ разъ мужики и принесли съ собой ковригу хлѣба и вина. И стали подносить свое вино матери. Мать выпила. Дядя Иванъ отрѣзалъ ломоть хлѣба и подалъ ей. Я стоялъ подлѣ стола и мнѣ захотѣлось хлѣбушка. Я нагнулъ мать и сказалъ ей на ухо. Мать засмѣялась, а дядя Иванъ говоритъ: „Что онъ, хлѣбца?"—и отрѣзалъ мнѣ большой ломоть. Я взялъ хлѣбъ и ушелъ въ чуланъ. А нянька сидѣла въ чуланѣ. Она стала меня спрашивать: „Что тамъ мужики говорятъ?" Я сказалъ: „Вино пьютъ". Она засмѣялась и говоритъ. „Это они меня сватаютъ за Кондрашку".

Потомъ собрались играть свадьбу. Всѣ встали рано. Бабушка топила печку, мать мѣсила пироги, а тетка Акулина мыла говядину.

Нянька нарядилась въ новые коты, надѣла сарафанъ красный и платокъ хорошій и ничего не дѣлала. Потомъ, когда истопили избу, мать тоже нарядилась, и пришло къ намъ много народу,—полная изба.

Потомъ подъѣхали къ нашему двору три пары съ колоколами. И на задней парѣ сидѣлъ женихъ Кондрашка въ новомъ кафтанѣ и въ высокой шапкѣ. Женихъ слѣзъ съ телѣги

и пошелъ въ избу. Надѣли на няньку новую шубу и вывели ее къ жениху. Посадили жениха съ невѣстой за столъ, и бабы стали ихъ величать. Потомъ вылѣзли изъ-за стола, помолились Богу и вышли на дворъ. Кондрашка посадилъ няньку въ телѣгу, а самъ сѣлъ въ другую. Всѣ посажались въ телѣги, перекрестились и поѣхали. Я вернулся въ избу и сѣлъ къ окну ждать, когда свадьба вернется. Мать дала мнѣ кусочекъ хлѣбца; я поѣлъ, да тутъ и заснулъ. Потомъ меня разбудила мать, говоритъ: „ѣдутъ!"—дала мнѣ скалку и велѣла сѣсть за столъ. Кондрашка съ нянькой вошли въ избу и за ними много народу, больше прежняго. И на улицѣ былъ народъ, и всѣ смотрѣли къ намъ въ окна. Дядя Герасимъ былъ дружкою; онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: „вылѣзай". Я испугался и хотѣлъ лѣзть, а бабушка говоритъ: „Ты покажи скалку и скажи: а это что?" Я такъ и сдѣлалъ. Дядя Герасимъ положилъ денегъ въ стаканъ и налилъ вина и подалъ мнѣ. Я взялъ стаканъ и подалъ бабушкѣ. Тогда мы вылѣзли, а они сѣли.

Потомъ стали подносить вино, студень, говядину; стали пѣть пѣсни и плясать. Дядѣ Герасиму поднесли вина; онъ выпилъ немного и говоритъ: „Что-то вино горько". Тогда нянька взяла Кондрашку за уши и стала его цѣловать. Долго играли пѣсни и плясали, а потомъ всѣ ушли, и Кондрашка повелъ няньку къ себѣ домой.

Послѣ этого мы стали еще бѣднѣе жить. Продали лошадь и послѣднихъ овецъ, и хлѣба у насъ часто не было. Мать ходила занимать у родныхъ. Вскорѣ и бабушка померла. Помню я, какъ матушка по ней выла и причитала: „Уже родимая моя матушка! на кого ты меня оставила, горькую, горемычную? на кого покинула свое дитятко безсчастное? гдѣ я ума-разума возьму? какъ мнѣ вѣкъ прожить?" И такъ она долго плакала и причитала.

Одинъ разъ пошелъ я съ ребятами на большую дорогу лошадей стеречь и вижу—идетъ солдатъ съ сумочкой за плечами. Онъ подошелъ къ ребятамъ и говоритъ: „Вы изъ какой

деревни, ребята?“ Мы говоримъ: „Изъ Никольскаго“.—„А что, живетъ у васъ солдатка Матрена?“ А я говорю: „Жива, она мнѣ матушка“. Солдатъ поглядѣлъ на меня и говоритъ: „А отца своего видалъ?“ Я говорю: „Онъ въ солдатахъ, не видалъ“. Солдатъ и говоритъ: „Ну пойдемъ, проводи меня къ Матренѣ, я ей письмо отъ отца привезъ“. Я говорю: „Какое письмо?“ А онъ говоритъ: „Вотъ пойдемъ, увидишь“.—„Ну что же, пойдемъ“.

Солдатъ пошелъ со мной, да такъ скоро, что я бѣгомъ за нимъ не поспѣвалъ. Вотъ пришли мы въ свой домъ. Солдатъ помолился Богу и говоритъ: „Здравствуйте!“ Потомъ раздѣлся, сѣлъ на конникъ и сталъ оглядывать избу и говоритъ: „Что же, у васъ семьи только-то?“ Мать оробѣла и ничего не говоритъ, только смотритъ на солдата. Онъ и говоритъ: „Гдѣ-жъ матушка?“—а самъ заплакалъ. Тутъ мать подбѣжала къ отцу и стала его цѣловать. И я тоже взлѣзъ къ нему на колѣни и сталъ его обшаривать руками. А онъ пересталъ плакать и сталъ смѣяться.

Потомъ пришелъ народъ, и отецъ со всѣми здоровался и разсказывалъ, что онъ теперь совсѣмъ по билету вышелъ.

Какъ пригнали скотину, пришла и нянька и поцѣловалась съ отцомъ. А отецъ и говоритъ: „Это чья же молодая бабочка?“ А мать засмѣялась и говоритъ: „Свою дочь не узналъ“. Отецъ позвалъ ее еще къ себѣ и поцѣловалъ и спрашивалъ, какъ она живетъ. Потомъ мать ушла варить яичницу, а няньку послала за виномъ. Нянька принесла штофчикъ, заткнутый бумажкой, и поставила на столъ. Отецъ и говоритъ: „Это что?“ А мать говоритъ: „Тебѣ вина“. А онъ говоритъ: „Нѣтъ ужъ, пятый годъ не пью; а вотъ яичницу подавай!“ Онъ помолился Богу, сѣлъ за столъ и сталъ ѣсть. Потомъ онъ говоритъ: „Кабы я не бросилъ пить, я бы и унтеръ-офицеромъ не былъ, и домой бы ничего не принесъ, а теперь слава Богу“. Онъ досталъ въ сумкѣ кошель съ деньгами и отдалъ матери. Мать обрадовалась, заторопилась и понесла хоронить.

Потомъ, когда всѣ разошлись, отецъ легъ спать на задней

лавкѣ и меня положилъ съ собой, а мать легла у насъ въ ногахъ. И долго они разговаривали, почти до полуночи. Потомъ я уснулъ.

Поутру мать говоритъ: „Охъ, дровъ-то у меня нѣтъ!“ А отецъ говоритъ: „Топоръ есть?“—„Есть, да щербатый, плохой“. Отецъ обулся, взялъ топоръ и вышелъ на дворъ. Я побѣжалъ за нимъ.

Отецъ сдернулъ съ крыши жердь, положилъ на колоду, взмахнулъ топоромъ, живо перерубилъ, принесъ въ избу и говоритъ: „Ну, вотъ тебѣ и дрова, топи печь; а я нынче пойду—пріищу купить избу да лѣсу на дворъ. Корову также купить надо“.

Мать говоритъ: „Охъ, денегъ много на все надо“.

А отецъ говоритъ: „А работать будемъ. Вонъ мужикъ-то растетъ!“ Отецъ показалъ на меня.

Вотъ отецъ помолился Богу, поѣлъ хлѣбца, одѣлся и говоритъ матери: „А есть яички свѣжія, такъ испеки въ золѣ къ обѣду“. И пошелъ со двора.

Отецъ долго не ворочался. Я сталъ проситься у матери за отцомъ. Она не пускала. Я хотѣлъ уйти, а мать не пустила меня и побила. Я сѣлъ на печку и сталъ плакать. Тутъ отецъ вошелъ въ избу и говоритъ: „О чемъ плачешь?“ Я говорю: „Я хотѣлъ за тобой бѣчь, а мать меня не пустила, да еще побила“,—и еще пуще заплакалъ. Отецъ засмѣялся, подошелъ къ матери и сталъ ее бить нарочно, а самъ приговаривалъ: „Не бей Ѳедьку, не бей Ѳедьку!“ Мать нарочно будто заплакала, отецъ засмѣялся и говоритъ: „Вотъ вы съ Ѳедькой какіе на слезы слабые, сейчасъ и плакать“. Потомъ отецъ сѣлъ за столъ, посадилъ меня съ собой рядомъ и закричалъ: „Ну, теперь давай намъ, мать, съ Ѳедюшкой обѣдать: мы ѣсть хотимъ“.

Мать дала намъ каши и яицъ, и мы стали ѣсть. А мать говоритъ: „Ну, что же,—иструбъ?“ А отецъ говоритъ: „Купилъ: 80 цѣлковыхъ, липовый, бѣлый какъ стекло. Вотъ дай срокъ, мужикамъ купимъ винца, они мнѣ и свезутъ воскреснымъ дѣломъ“.

Съ тѣхъ поръ мы стали хорошо жить.

Котъ и мыши. (Басня.)

Завелось въ одномъ домѣ много мышей. Котъ забрался въ этотъ домъ и сталъ ловить мышей. Увидали мыши, что дѣло плохо, и говорятъ: „Давайте, мыши, не будемъ больше сходить съ потолка, а сюда къ намъ коту не добраться!“ Какъ перестали мыши сходить внизъ, котъ и задумалъ, какъ бы ихъ перехитрить. Уцѣпился онъ одной лапой за потолокъ, свѣсился и притворился мертвымъ. Одна мышь выглянула на него, да и говоритъ: „Нѣтъ, братъ, хоть мѣшкомъ сдѣлайся, и то не подойду“.

Ледъ, вода и паръ. (Разсужденіе.)

Лёдъ бываетъ крѣпкій, какъ камень. Если во льду вмерзнетъ палка, то палку эту не выломаешь изъ льда, пока не оттаешь. Когда лёдъ холоденъ, то по немъ воза ѣздятъ и не проваливаются, и брось на него 10 пудовъ желѣза, лёдъ не провалится.

Чѣмъ холоднѣе лёдъ, тѣмъ онъ крѣпче. Какъ согрѣется лёдъ, такъ онъ слабнетъ, сдѣлается какъ каша; что въ немъ вмерзло, рукой можно вынуть, онъ проваливается подъ ногами и не удержитъ и фунта желѣза. Когда лёдъ еще больше согрѣется, то онъ станетъ водой. Изъ воды всякую вещь легко вынуть, и вода уже ничего не держитъ, кромѣ дерева. Если еще станешь согрѣвать воду, она еще меньше станетъ держать.

Въ холодной водѣ легче плавать, чѣмъ въ тёплой. А въ горячей водѣ и дерево тонетъ.

Если еще согрѣть воду, она и вовсе разойдется паромъ; а паръ уже ничего не держитъ и самъ идетъ во всѣ стороны.

Если кипятить воду подъ крышкой, то вода испарится и сядетъ каплями подъ крышкой, стечетъ внизъ и опять станетъ вода. Собрать эту воду и выставить на морозъ—опять станетъ лёдъ.

Согрѣй воду—будетъ паръ; застуди воду—будетъ лёдъ. Все та же вода бываетъ летучая, когда согрѣется, и крѣпкая, когда остынетъ.

Во льду нѣтъ тепла, въ водѣ есть немного, а въ парѣ очень много.

Если ко льду приставить льдину, то льдина не согрѣется и не похолодѣетъ.

А если польешь воды на лёдъ, то лёдъ потеплѣетъ, а вода похолодѣетъ. Лёдъ растаетъ, если воды много, а вода замерзнетъ, если льду много.

А если на лёдъ пустить паръ, то лёдъ потеплѣетъ, а паръ похолодѣетъ. Ледъ растаетъ, станетъ водой, а паръ охолодѣетъ и тоже станетъ водой.

Если вода холодная и воздухъ холодный, то ни вода не согрѣется, ни воздухъ не похолодѣетъ. Но если воздухъ теплый, а вода холодная, что будетъ?—Изъ воздуха тепло будетъ переходить въ воду, вода станетъ всё теплѣе, а воздухъ всё холоднѣе, до тѣхъ поръ, пока они сравняются.

Если воздухъ теплѣе воды, то вода согрѣется, а воздухъ остынетъ; а если вода теплѣе, то воздухъ согрѣется, а вода остынетъ.

Если на воздухѣ изъ жидкой воды дѣлается мёрзлая вода, то значитъ вода теплѣе воздуха,— она будетъ холодѣть, а воздухъ теплѣть.

Если на воздухѣ летучая вода дѣлается жидкой водой,— значитъ воздухъ холоднѣе летучей воды, и вода будетъ стыть, а воздухъ грѣться.

Если изъ крѣпкой воды дѣлается на воздухѣ жидкая вода,—значитъ воздухъ теплѣе, онъ будетъ стыть, крѣпнуть, а лёдъ грѣться.

Если на воздухѣ изъ воды дѣлается паръ, высыхаетъ вода,— значитъ воздухъ теплѣе, онъ будетъ стыть, а вода грѣться.

Льдомъ нельзя грѣть, а водой и паромъ можно грѣть. Водой можно вотъ какъ грѣть: провести въ холодный домъ воду. Какъ вода замёрзнетъ, такъ лёдъ выносить вонъ; опять замёрзнетъ,—опять выносить вонъ. И въ домѣ всё будетъ теплѣе, и такъ станетъ тепло, что вода не станетъ уже мёрзнуть. Отчего это такъ будетъ?—Оттого, что какъ вода замёрз-

нетъ, такъ она выпуститъ изъ себя лишнее тепло въ воздухъ, и до тѣхъ поръ будетъ выпускать, пока воздухъ согрѣется, и вода перестанетъ мёрзнуть.

Паромъ грѣютъ вотъ какъ: напустятъ пару въ холодный домъ. Паръ станетъ охолаживаться, каплями потечетъ книзу и станетъ водой. Воду эту выносятъ, и въ домѣ становится тепло.

Отчего это такъ будетъ?—Оттого, что какъ только паръ станетъ водой, онъ выпуститъ изъ себя лишнее тепло въ воздухъ.

Когда изъ воды дѣлается лёдъ, а изъ пара дѣлается вода, то въ воздухъ выходитъ тепло изъ воды и изъ пара—и воздухъ становится теплѣе. А когда изо льда дѣлается вода, а изъ воды дѣлается паръ, то тепло изъ воздуха выходитъ въ воду и въ паръ—и воздухъ становится холоднѣе.

Если хочешь остудить теплую горницу, принеси льду и дай ему растаять. Отчего станетъ холоднѣй?—Оттого, что ледъ, чтобъ ему сдѣлаться водой, заберетъ въ себя тепло изъ воздуха.

Если хочешь остудить, налей воды и дай ей высохнуть. Отчего такъ будетъ? — Оттого, что изъ воды дѣлается паръ. А чтобъ изъ воды сдѣлаться паромъ, она заберетъ много тепла изъ воздуха.

Отъ этого бываетъ холоднѣе, когда идётъ дождь, и теплѣе, когда собирается дождь. Когда идетъ дождь, то вода сохнетъ, испаряется и забираетъ въ себя тепло. А когда собирается дождь, то въ воздухѣ ходятъ пары и охлаждаются въ тучи: отъ нихъ-то и тепло.

Такъ и говорятъ, что паритъ.

Перепелка и перепелята. (Басня.)

Мужики косили лугъ, а въ лугу, подъ кочкой, было перепелиное гнѣздо.

Перепелка съ кормомъ прилетѣла къ гнѣзду и увидала, что кругомъ все обкошено. Она и говоритъ перепелятамъ: „Ну, дѣти, бѣда пришла! Теперь молчите и не шевелитесь, а то пропадете; вечеромъ переведу васъ“. А перепе[illegible]ись,

что на лугу свѣтлѣе стало, и говорили: „Мать—старая, оттого и не хочетъ, чтобы мы веселились“; и стали пищать и свистать.

Ребята принесли мужикамъ на покосъ обѣдать, услыхали перепелятъ и порвали имъ головы.

Булька. (Разсказъ офицера.)

У меня была мордашка. Ее звали Булькой. Она была вся черная, только кончики переднихъ лапъ были бѣлые.

У всѣхъ мордашекъ нижняя челюсть длиннѣе верхней и верхніе зубы заходятъ за нижніе; но у Бульки нижняя челюсть такъ выдавалась впередъ, что палецъ можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое; глаза большіе, черные и блестящіе; и зубы, и клыки бѣлые всегда торчали наружу. Онъ былъ похожъ на арапа. Булька былъ смирный и не кусался, но онъ былъ очень силенъ и цѣпокъ. Когда онъ бывало уцѣпится за что-нибудь, то стиснетъ зубы и повиснетъ, какъ тряпка, и его, какъ клещука, нельзя никакъ оторвать.

Одинъ разъ его пускали на медвѣдя, и онъ вцѣпился медвѣдю въ ухо и повисъ, какъ піявка. Медвѣдь билъ его лапами, прижималъ къ себѣ, кидалъ изъ стороны въ сторону, но не могъ оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тѣхъ поръ на немъ держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взялъ его щенкомъ и самъ выкормилъ. Когда я ѣхалъ служить на Кавказъ, я не хотѣлъ брать его и ушелъ отъ него потихоньку, а его велѣлъ запереть. На первой станціи я хотѣлъ уже садиться на другую перекладную, какъ вдругъ увидалъ, что по дорогѣ катится что-то черное и блестящее. Это былъ Булька въ своемъ мѣдномъ ошейникѣ. Онъ летѣлъ во весь духъ къ станціи. Онъ бросился ко мнѣ, лизнулъ мою руку и растянулся въ тѣни подъ телѣгой. Языкъ его высунулся на цѣлую ладонь. Онъ то втягивалъ его назадъ, глотая слюни, то опять высовывалъ на цѣлую ладонь. Онъ то-

ропился, не поспѣвалъ дышать, бока его такъ и прыгали. Онъ поварачивался съ боку на бокъ и постукивалъ хвостомъ о землю.

Я узналъ потомъ, что онъ послѣ меня пробилъ раму и выскочилъ изъ окна, и прямо, по моему слѣду, поскакалъ по дорогѣ и проскакалъ такъ верстъ 20-ть въ самый жаръ.

Булька и кабанъ. (Разсказъ.)

Одинъ разъ на Кавказѣ мы пошли на охоту за кабанами, и Булька прибѣжалъ со мной. Только-что гончія погнали, Булька бросился на ихъ голосъ и скрылся въ лѣсу. Это было въ ноябрѣ мѣсяцѣ: кабаны и свиньи бываютъ тогда очень жирные.

На Кавказѣ, въ лѣсахъ, гдѣ живутъ кабаны, бываетъ много вкусныхъ плодовъ: дикаго винограду, шишекъ, яблокъ, грушъ, ежевики, желудей, терновнику. И когда всѣ эти плоды поспѣютъ и тронутся морозомъ,—кабаны отъѣдаются и жирѣютъ.

Въ то время кабанъ такъ бываетъ жиренъ, что не долго можетъ бѣгать подъ собаками. Когда его погоняютъ часа два, онъ забивается въ чащу и останавливается. Тогда охотники бѣгутъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоитъ, и стрѣляютъ. По лаю собакъ можно знать, сталъ ли кабанъ или бѣжитъ. Если онъ бѣжитъ, то собаки лаютъ съ визгомъ, какъ будто ихъ бьютъ; а если онъ стоитъ, то онѣ лаютъ какъ на человѣка и подвываютъ.

Въ эту охоту я долго бѣгалъ по лѣсу, но ни разу мнѣ не удалось перебѣжать дорогу кабану. Наконецъ я услыхалъ протяжный лай и вой гончихъ собакъ и побѣжалъ къ тому мѣсту. Ужъ я былъ близко отъ кабана. Мнѣ уже слышенъ былъ трескъ по чащѣ. Это ворочался кабанъ съ собаками. Но слышно было по лаю, что онѣ не брали его, а только кружились около. Вдругъ я услыхалъ—зашуршало что-то сзади и увидалъ Бульку. Онъ видно потерялъ гончихъ въ лѣсу и спутался, а теперь слышалъ ихъ лай и такъ же, какъ я, что было духу, катился въ ту сторону. Онъ бѣжалъ черезъ полянку, по высокой травѣ, и мнѣ отъ него видна только была его черная

голова и закушенный языкъ въ бѣлыхъ зубахъ. Я окликнулъ его, но онъ не оглянулся, обогналъ меня и скрылся въ чащѣ. Я побѣжалъ за нимъ, но чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ лѣсъ становился чаще и чаще. Сучки сбивали съ меня шапку, били по лицу, иглы терновника цѣплялись за платье. Я уже былъ близокъ къ лаю, но ничего не могъ видѣть.

Вдругъ я услыхалъ, что собаки громче залаяли, что-то сильно затрещало, и кабанъ сталъ отдуваться и захрипѣлъ. Я такъ и думалъ, что теперь Булька добрался до него и возится съ нимъ. Я изъ послѣднихъ силъ побѣжалъ чрезъ чащу къ тому мѣсту; въ самой глухой чащѣ я увидалъ пёструю гончую собаку. Она лаяла и выла на одномъ мѣстѣ, и въ трехъ шагахъ отъ нея возилось и чернѣло что-то.

Когда я подвинулся ближе, я разсмотрѣлъ кабана и услыхалъ, что Булька пронзительно завизжалъ. Кабанъ захрюкалъ и посунулся на гончую,—гончая поджала хвостъ и отскочила. Мнѣ сталъ виденъ бокъ кабана и его голова. Я прицѣлился въ бокъ и выстрѣлилъ. Я видѣлъ, что попалъ. Кабанъ хрюкнулъ и затрещалъ прочь отъ меня по чащѣ. Собаки визжали, лаяли слѣдомъ за нимъ, я по чащѣ ломился за ними. Вдругъ, почти у себя подъ ногами, я увидалъ и услыхалъ что-то. Это былъ Булька. Онъ лежалъ на боку и визжалъ. Подъ нимъ была лужа крови. Я подумалъ: пропала собака; но мнѣ теперь не до него было, я ломился дальше. Скоро я увидалъ кабана. Собаки хватали его сзади, а онъ поворачивался то на ту, то на другую сторону. Когда кабанъ увидалъ меня, онъ сунулся ко мнѣ. Я выстрѣлилъ другой разъ, почти въ упоръ, такъ что щетина загорѣлась на кабанѣ, и кабанъ захрипѣлъ, зашатался и всей тушей тяжело хлопнулся наземь.

Когда я подошелъ, кабанъ уже былъ мертвый и только то тамъ, то тутъ его пучило и подергивало. Но собаки, ощетинившись, однѣ рвали его за брюхо и за ноги, а другія локали кровь изъ раны.

Тутъ я вспомнилъ про Бульку и пошелъ его искать. Онъ

ползъ мнѣ навстрѣчу и стоналъ. Я подошелъ къ нему, присѣлъ и посмотрѣлъ его рану. У него былъ распоротъ животъ и цѣлый комокъ кишокъ изъ живота волочился по сухимъ листьямъ. Когда товарищи подошли ко мнѣ, мы вправили Булькѣ кишки и зашили ему животъ. Пока зашивали животъ и прокалывали кожу, онъ все лизалъ мнѣ руки.

Кабана привязали къ хвосту лошади, чтобы вывезти изъ лѣсу, а Бульку положили на лошадь и такъ привезли его домой. Булька проболѣлъ недѣль шесть и выздоровѣлъ.

Фазаны. (Описаніе.)

На Кавказѣ дикихъ куръ зовутъ фазанами. Ихъ такъ много, что онѣ тамъ дешевле домашней курицы. За фазанами охотятся *съ кобылкой*, *съ подсаду* и *изъ-подъ собаки*. Съ кобылкой вотъ какъ охотятся: возьмутъ парусины, натянутъ на рамку, въ серединѣ рамки сдѣлаютъ перекладину, а въ парусинѣ сдѣлаютъ прорѣшку. Эта рамка съ парусиной называется кобылкой. Съ этой кобылкой и съ ружьемъ на зарѣ выходятъ въ лѣсъ. Кобылку несутъ передъ собой и высматриваютъ въ прорѣшку фазановъ. Фазаны по зарямъ кормятся на полянкахъ; иногда цѣлый выводокъ—насѣдка съ цыплятами, иногда пѣтухъ съ курицей, иногда нѣсколько пѣтуховъ вмѣстѣ.

Фазаны не видятъ человѣка, а не боятся парусины и подпускаютъ къ себѣ близко. Тогда охотникъ ставитъ кобылку, высовываетъ ружье въ прорѣху и стрѣляетъ по выбору.

Съ подсаду охотятся вотъ какъ: пустятъ дворную собачёнку въ лѣсъ и ходятъ за ней. Когда собака найдетъ фазана, она бросится за нимъ. Фазанъ влетитъ на дерево, и тогда собачёнка начинаетъ на него лаять. Охотникъ подходитъ на лай и стрѣляетъ фазана на деревѣ. Охота эта была бы легка, если бы фазанъ садился на дерево на чистомъ мѣстѣ и сидѣлъ прямо на деревѣ—такъ, чтобы его видно было. Но фазаны всегда садятся на густыя деревья, въ чащѣ, и какъ

завидятъ охотника, такъ прячутся въ сучкахъ. И бываетъ трудно пролѣзть въ чащѣ къ дереву, гдѣ сидитъ фазанъ, и трудно разсмотрѣть его. Когда собака одна лаетъ на фазана, онъ не боится ея, сидитъ на сучкѣ и еще пѣтушится на нее и хлопаетъ крыльями. Но какъ только онъ увидитъ человѣка, то сейчасъ же вытягивается по сучку, такъ что только привычный охотникъ различитъ его, а непривычный будетъ стоять подлѣ и ничего не увидитъ.

Когда казаки подкрадываются къ фазанамъ, то они надвигаютъ шапку на свое лицо и не глядятъ вверхъ, потому что фазанъ боится человѣка съ ружьемъ, а больше всего боится его глазъ.

Изъ-подъ собаки охотятся вотъ какъ: берутъ лягавую собаку и ходятъ за нею по лѣсу. Собака чутьемъ услышитъ, гдѣ на зарѣ ходили и кормились фазаны, и станетъ разбирать ихъ слѣды. И, сколько бы ни напутали фазаны, хорошая собака всегда найдетъ послѣднiй слѣдъ, выходъ съ того мѣста, гдѣ кормились. Чѣмъ дальше будетъ идти собака по слѣду, тѣмъ сильнѣе ей будетъ пахнуть, и такъ она дойдетъ до того мѣста, гдѣ днемъ сидитъ въ травѣ или ходитъ фазанъ. Когда она подойдетъ близко, тогда ей будетъ казаться, что фазанъ ужъ тутъ, прямо передъ ней, и она все будетъ идти осторожнѣе, чтобы не спугнуть его, и будетъ останавливаться, чтобы сразу прыгнуть и поймать его. Когда собака подойдетъ совсѣмъ близко, тогда фазанъ вылетаетъ, и охотникъ стрѣляетъ.

Мильтонъ и Булька. (Разсказъ.)

Я завелъ себѣ для фазановъ лягавую собаку. Собаку эту звали Мильтонъ: она была высокая, худая, крапчатая по сѣрому, съ длинными брылами и ушами и очень сильная и умная. Съ Булькой они не грызлись. Ни одна собака никогда не огрызалась на Бульку. Онъ бывало только покажетъ свои зубы, и собаки поджимаютъ хвосты и отходятъ прочь. Одинъ разъ я пошёлъ съ Мильтономъ за фазанами. Вдругъ Булька прибѣжалъ за мной въ лѣсъ. Я хотѣлъ про-

гнать его, но никакъ не могъ. А идти домой, чтобы отвести его, было далеко. Я думалъ, что онъ не будетъ мѣшать мнѣ, и пошелъ дальше; но только-что Мильтонъ почуялъ въ травѣ фазана и сталъ искать, Булька бросился впередъ и сталъ соваться во всѣ стороны. Онъ старался прежде Мильтона поднять фазана. Онъ что-то такое слышалъ въ травѣ, прыгалъ, вертѣлся; но чутье у него плохое, и онъ не могъ найти слѣда одинъ, а смотрѣлъ на Мильтона и бѣжалъ туда, куда шёлъ Мильтонъ. Только-что Мильтонъ тронется по слѣду, Булька забѣжитъ впередъ. Я отзывалъ Бульку, билъ, но ничего не могъ съ нимъ сдѣлать. Какъ только Мильтонъ начиналъ искать, онъ бросался впередъ и мѣшалъ ему. Я хотѣлъ уже идти домой, потому что думалъ, что охота моя испорчена, но Мильтонъ лучше меня придумалъ, какъ обмануть Бульку. Онъ вотъ что сдѣлалъ: какъ только Булька забѣжитъ ему впередъ, Мильтонъ броситъ слѣдъ, повернётъ въ другую сторону и притворится, что ищетъ. Булька бросится туда, куда показалъ Мильтонъ, а Мильтонъ оглянется на меня, махнетъ хвостомъ и пойдетъ опять по настоящему слѣду. Булька опять прибѣгаетъ къ Мильтону, забѣгаетъ впередъ, и опять Мильтонъ нарочно сдѣлаетъ шаговъ десять въ сторону, обманетъ Бульку и опять поведётъ меня прямо. Такъ что всю охоту онъ обманывалъ Бульку и не далъ ему испортить дѣло.

Черепаха. (Разсказъ.)

Одинъ разъ я пошёлъ съ Мильтономъ на охоту. Подлѣ лѣса онъ началъ искать, вытянулъ хвостъ, поднялъ уши и сталъ принюхиваться. Я приготовилъ ружьё и пошёлъ за нимъ. Я думалъ, что онъ ищетъ куропатку, фазана или зайца. Но Мильтонъ не пошёлъ въ лѣсъ, а въ поле. Я шелъ за нимъ и глядѣлъ впередъ. Вдругъ я увидалъ то, что̀ онъ искалъ. Впереди его бѣжала небольшая черепаха, величиною съ шапку. Голая темно-сѣрая голова на длинной шеѣ была вытянута, какъ пестикъ; черепаха широко перебирала голыми лапами, а спина ея вся была покрыта корой.

Когда она увидала собаку, она спрятала ноги и голову и опустилась на траву, такъ что видна была только одна скорлупа. Мильтонъ схватилъ её и сталъ грызть: но не могъ прокусить её, потому что у черепахи на брюхѣ такая же скорлупа, какъ и на спинѣ. Только спереди, сзади и съ боковъ есть отверстія, куда она пропускаетъ голову, ноги и хвостъ.

Я отнялъ черепаху у Мильтона и разсмотрѣлъ, какъ у нея разрисована спина, и какая скорлупа, и какъ она туда прячется. Когда держишь её въ рукахъ и смотришь подъ скорлупу, то только внутри, какъ въ подвалѣ, видно что-то черное и живое. Я бросилъ черепаху на траву и пошелъ дальше, но Мильтонъ не хотѣлъ её оставить, а нёсъ въ зубахъ за мною. Вдругъ Мильтонъ взвизгнулъ и пустилъ её. Черепаха у него во рту выпустила лапу и царапнула ему ротъ. Онъ такъ разсердился на неё за это, что сталъ лаять и опять схватилъ её и понёсъ за мною. Я опять велѣлъ бросить, но Мильтонъ не слушался меня. Тогда я отнялъ у него черепаху и бросилъ. Но онъ не оставилъ ея. Онъ сталъ торопиться лапами подлѣ нея рыть яму. И когда вырылъ яму, то лапами завалилъ въ яму черепаху и закопалъ землею.

Черепахи живутъ и на землѣ, и въ водѣ, какъ ужи и лягушки. Дѣтей онѣ выводятъ яицами, и яица кладутъ на землѣ, и не высиживаютъ ихъ, а яица сами, какъ рыбья икра, лопаются—и выводятся черепахи. Черепахи бываютъ маленькія, не больше блюдечка, и большія, въ три аршина длины и вѣсомъ въ 20 пудовъ. Большія черепахи живутъ въ моряхъ.

Одна черепаха въ весну кладетъ сотни яицъ. Скорлупа черепахи — это ея ребра. Только у людей и другихъ животныхъ ребра бываютъ каждое отдѣльно, а у черепахи ребра срослись въ скорлупу. Главное же—то, что у всѣхъ животныхъ ребра бываютъ внутри, подъ мясомъ, а у черепахъ ребра сверху, а мясо подъ ними.

Булька и волкъ. (Разсказъ.)

Когда я уѣзжалъ съ Кавказа, тогда еще тамъ была война, и ночью опасно было ѣздить безъ конвоя.

Я хотѣлъ выѣхать какъ можно раньше утромъ и для этого не ложился спать.

Мой пріятель пришелъ провожать меня, и мы сидѣли весь вечеръ и ночь на улицѣ станицы передъ моей хатой.

Была мѣсячная ночь съ туманомъ, и было такъ свѣтло, что читать можно, хотя мѣсяца и не видно было.

Въ серединѣ ночи мы вдругъ услыхали, что черезъ улицу на дворѣ пищитъ поросёнокъ. Одинъ изъ насъ закричалъ: „Это волкъ душитъ поросёнка“.

Я побѣжалъ къ себѣ въ хату, схватилъ заряженное ружьё и выбѣжалъ на улицу. Всѣ стояли у воротъ того двора, гдѣ пищалъ поросёнокъ, и кричали мнѣ: „Сюда!“ Мильтонъ бросился за мной,—вѣрно думалъ, что я на охоту иду съ ружьемъ,— а Булька поднялъ свои короткія уши и метался изъ стороны въ сторону, какъ будто спрашивалъ, въ кого ему велятъ вцѣпиться. Когда я подбѣжалъ къ плетню, я увидалъ, что съ той стороны двора, прямо ко мнѣ, бѣжитъ звѣрь. Это былъ волкъ. Онъ подбѣжалъ къ плетню и вскочилъ на него. Я отсторонился отъ него и приготовилъ ружьё. Какъ только волкъ соскочилъ съ плетня на мою сторону, я приложился почти въ упоръ и спустилъ курокъ; но ружьё сдѣлало „чикъ“ и не выстрѣлило. Волкъ не остановился и побѣжалъ черезъ улицу. Мильтонъ и Булька пустились за нимъ. Мильтонъ былъ близко отъ волка, но, видно, боялся схватить его, а Булька, какъ ни торопился на своихъ короткихъ ногахъ, не могъ поспѣть. Мы бѣжали, что было силы, за волкомъ, но и волкъ, и собаки скрылись у насъ изъ виду. Только у канавы, на углу станицы, мы услыхали подлаиванье, визгъ и видѣли сквозь мѣсячный туманъ, что поднялась пыль и что собаки возились съ волкомъ. Когда мы прибѣжали къ канавѣ, волка уже не было, и обѣ собаки вернулись къ намъ съ поднятыми хвостами и разсерженными лицами. Булька рычалъ и толкалъ меня головой,— онъ, видно, хотѣлъ что-то разсказать, но не умѣлъ.

Мы осмотрѣли собакъ и нашли, что у Бульки на головѣ была маленькая рана. Онъ, видно, догналъ волка передъ ка-

навой, но не успѣлъ захватить, и волкъ огрызнулся и убѣжалъ. Рана была небольшая, такъ что ничего опаснаго не было.

Мы вернулись назадъ къ хатѣ, сидѣли и разговаривали о томъ, что случилось. Я досадовалъ на то, что ружьё мое осѣклось, и все думалъ о томъ, какъ бы тутъ же на мѣстѣ остался волкъ, если бъ оно выстрѣлило. Пріятель мой удивлялся, какъ волкъ могъ залѣзть на дворъ. Старый казакъ говорилъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что это былъ не волкъ, что это была вѣдьма и что она заколдовала мое ружьё. Такъ мы сидѣли и разговаривали. Вдругъ собаки бросились, и мы увидали на срединѣ улицы, передъ нами, опять того же волка, но въ этотъ разъ онъ, отъ нашего крика, такъ скоро побѣжалъ, что собаки уже не догнали его.

Старый казакъ послѣ этого уже совсѣмъ увѣрился, что это былъ не волкъ, а вѣдьма; а я думалъ, что не бѣшеный ли это былъ волкъ, потому что я никогда ни видывалъ и не слыхивалъ, чтобы волкъ, послѣ того какъ его прогнали, вернулся опять на народъ.

На всякій случай я посыпалъ Булькѣ на рану пороху и зажегъ его. Порохъ вспыхнулъ и выжегъ больное мѣсто.

Я выжегъ порохомъ рану затѣмъ, чтобы выжечь бѣшеную слюну, если она еще не успѣла войти въ кровь. Если же попала слюня и вошла уже въ кровь, то я зналъ, что по крови она разойдется по всему тѣлу и тогда уже нельзя вылѣчить.

Что случилось съ Булькой въ Пятигорскѣ. (Разсказъ.)

Изъ станицы я поѣхалъ не прямо въ Россію, а сначала въ Пятигорскъ, и тамъ пробылъ два мѣсяца. Мильтона я подарилъ казаку-охотнику, а Бульку взялъ съ собой въ Пятигорскъ.

Пятигорскъ такъ называется отъ того, что онъ стоитъ на горѣ Бешъ-тау. А Бешъ по-татарски значитъ пять, тау— гора. Изъ этой горы течетъ горячая сѣрная вода. Вода эта горяча, какъ кипятокъ, и надъ мѣстомъ, гдѣ идетъ вода изъ горы, всегда стоитъ паръ, какъ надъ самоваромъ. Все мѣсто, гдѣ стоитъ городъ, очень весёлое. Изъ горъ текутъ горячіе

родники, подъ горой течетъ рѣчка Подкумокъ. По горѣ—лѣса, кругомъ—поля, а вдалекѣ всегда видны большія Кавказскія горы. На этихъ горахъ снѣгъ никогда не таетъ, и онѣ всегда бѣлыя, какъ сахаръ. Одна большая гора Эльбрусъ, какъ сахарная бѣлая голова, видна отовсюду, когда ясная погода. На горячіе ключи пріѣзжають лѣчиться; и надъ ключами сдѣланы бесѣдки, навѣсы, кругомъ разбиты сады и дорожки. По утрамъ играетъ музыка, и народъ пьётъ воду, или купается и гуляетъ.

Самый городъ стоитъ на горѣ, а подъ горой есть слобода. Я жилъ въ этой слободѣ въ маленькомъ домикѣ. Домикъ стоялъ на дворѣ и передъ окнами былъ садикъ, а въ саду стояли хозяйскія пчёлы—не въ колодахъ, какъ въ Россіи, а въ круглыхъ плетушкахъ. Пчелы тамъ такъ смирны, что я всегда по утрамъ съ Булькой сиживалъ въ этомъ садикѣ промежду ульевъ.

Булька ходилъ промежду ульевъ, удивлялся на пчелъ, нюхалъ, слушалъ, какъ онѣ гудятъ, но такъ осторожно ходилъ около нихъ, что не мѣшалъ имъ, и онѣ его не трогали.

Одинъ разъ утромъ я вернулся домой съ водъ и сѣлъ пить кофе въ палисадникѣ. Булька сталъ чесать себѣ за ушами и гремѣть ошейникомъ. Шумъ тревожилъ пчелъ, и я снялъ съ Бульки ошейникъ. Немного погодя, я услыхалъ изъ города съ горы странный и страшный шумъ. Собаки лаяли, выли, визжали, люди кричали, и шумъ этотъ спускался съ горы и подходилъ все ближе и ближе къ нашей слободѣ. Булька пересталъ чесаться, уложилъ свою широкою голову съ бѣлыми зубами промежъ переднихъ бѣлыхъ лапокъ, уложилъ и языкъ какъ ему надо было, и смирно лежалъ подлѣ меня. Когда онъ услыхалъ шумъ, онъ какъ будто понялъ, что это такое, насторожилъ уши, оскалилъ зубы, вскочилъ и началъ рычать. Шумъ приближался. Точно собаки со всего города выли, визжали и лаяли. Я вышелъ къ воротамъ посмотрѣть, и хозяйка моего дома подошла тоже. Я спросилъ: Что это такое? Она сказала: „Это колодники изъ острога ходятъ—собакъ бьютъ. Развелось много собакъ, и городское начальство велѣло бить всѣхъ собакъ по городу“.

— Какъ, и Бульку убьютъ, если попадется?

— Нѣтъ, въ ошейникахъ не велятъ бить.

Въ то самое время, какъ я говорилъ, колодники подошли уже къ нашему двору.

Впереди шли солдаты, сзади четыре колодника въ цѣпяхъ. У двухъ колодниковъ въ рукахъ были длинные желѣзные крючья и у двухъ дубины. Передъ нашими воротами одинъ колодникъ крючкомъ зацѣпилъ дворную собачёнку, притянулъ её на середину улицы, а другой колодникъ сталъ бить её дубиной. Собачёнка визжала ужасно, а колодники кричали что-то и смѣялись. Колодникъ съ крючкомъ перевернулъ собачёнку и когда увидалъ, что она издохла, онъ вынулъ крючёкъ и сталъ оглядываться, нѣтъ ли еще собаки.

Въ это время Булька стремглавъ, какъ онъ кидался на медвѣдя, бросился на этого колодника. Я вспомнилъ, что онъ безъ ошейника, и закричалъ: „Булька, назадъ!" —и закричалъ колодникамъ, чтобы они не били Бульку. Но колодникъ увидалъ Бульку, захохоталъ и крючкомъ ловко ударилъ въ Бульку и зацѣпилъ его за ляжку. Булька бросился прочь; но колодникъ тянулъ къ себѣ и кричалъ другому: „Бей!". Другой замахнулся дубиной, и Булька былъ бы убитъ, но онъ рванулся, кожа прорвалась на ляжкѣ, и онъ, поджавъ хвостъ, съ красной раной на ногѣ, стремглавъ влетѣлъ въ калитку, въ домъ, и забился подъ мою постель.

Онъ спасся тѣмъ, что кожа его прорвалась насквозь въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ крючёкъ.

Конецъ Бульки и Мильтона. (Разсказъ.)

Булька и Мильтонъ кончились въ одно и то же время. Старый казакъ не умѣлъ обращаться съ Мильтономъ. Вмѣсто того, чтобы брать его съ собою только на птицу, онъ сталъ водить его за кабанами. И въ ту же осень сѣкачъ *) кабанъ распоролъ его. Никто не умѣлъ его зашить, и Мильтонъ издохъ.

*) Сѣкачъ—двухгодовалый кабанъ съ острымъ, не загнутымъ клыкомъ.

Булька тоже не долго жилъ послѣ того, какъ онъ спасся отъ колодниковъ. Скоро послѣ своего спасенія отъ колодниковъ онъ сталъ скучать и сталъ лизать всё, что ему попадалось. Онъ лизалъ мнѣ руки, но не такъ, какъ прежде, когда ласкался. Онъ лизалъ долго и сильно налегалъ языкомъ, а потомъ начиналъ прихватывать зубами. Видно, ему нужно было кусать руку, но онъ не хотѣлъ. Я не сталъ давать ему руку. Тогда онъ сталъ лизать мой сапогъ, ножку стола, и потомъ кусать сапогъ или ножку стола. Это продолжалось два дня, а на третій день онъ пропалъ, и никто не видалъ и не слыхалъ про него.

Украсть его нельзя было, и уйти отъ меня онъ не могъ, а случилось это съ нимъ 6 недѣль послѣ того, какъ его укусилъ волкъ. Стало-быть, волкъ точно былъ бѣшеный. Булька взбѣсился и ушелъ. Съ нимъ сдѣлалось то, что называютъ по-охотничьи—стечка. Говорятъ, что бѣшенство въ томъ состоитъ, что у бѣшенаго животнаго въ горлѣ дѣлаются судороги. Бѣшеныя животныя хотятъ пить и не могутъ, потому что отъ воды судороги дѣлаются сильнѣе. Тогда они отъ боли и отъ жажды выходятъ изъ себя и начинаютъ кусать. Вѣрно у Бульки начинались эти судороги, когда онъ начиналъ лизать, а потомъ кусать мою руку и ножку стола.

Я ѣздилъ вездѣ по округу и спрашивалъ про Бульку, но не могъ узнать, куда онъ дѣлся и какъ онъ издохъ. Если бъ онъ бѣгалъ и кусалъ, какъ дѣлаютъ бѣшеныя собаки, то я бы услыхалъ про него. А вѣрно онъ забѣжалъ куда-нибудь въ глушь и одинъ умеръ тамъ. Охотники говорятъ, что когда съ умной собакой сдѣлается стечка, то она убѣгаетъ въ поля или лѣса и тамъ ищетъ травы, какой ей нужно, вываливается по росамъ и сама лѣчится. Видно, Булька не могъ вылѣчиться. Онъ не вернулся и пропалъ.

Птицы и сѣти. (Басня.)

Охотникъ поставилъ у озера сѣти и накрылъ много птицъ. Птицы были большія, подняли сѣть и улетѣли съ ней. Охот-

никъ побѣжалъ за птицами. Мужикъ увидалъ, что охотникъ бѣжитъ, и говоритъ: „И куда бѣжишь? развѣ пѣшкомъ можно догнать птицу?“ Охотникъ сказалъ: „Кабы одна была птица, я бы не догналъ, а теперь догоню“.

Такъ и сдѣлалось. Какъ пришелъ вечеръ, птицы потянули на ночлегъ, каждая въ свою сторону: одна къ лѣсу, другая къ болоту, третья въ поле; и всѣ съ сѣтью упали на землю; и охотникъ взялъ ихъ.

Чутье. (Разсужденіе.)

Человѣкъ видитъ глазами, слышитъ ушами, нюхаетъ носомъ, отвѣдываетъ языкомъ и щупаетъ пальцами. У одного человѣка лучше видятъ глаза, а у другого хуже. Одинъ слышитъ издали, а другой глухъ. У одного чутье сильнѣе и онъ слышитъ, чѣмъ пахнетъ издалека, а другой нюхаетъ гнилое яйцо, а не чуетъ. Одинъ ощупью узнаетъ всякую вещь, а другой ничего на ощупь не узнаетъ, не разберетъ дерева отъ бумаги. Одинъ чуть возьметъ въ ротъ, слышитъ, что сладко, а другой проглотитъ и не разберетъ, горько или сладко.

Такъ и у звѣрей разныхъ разныя чувства сильнѣе. Но у всѣхъ звѣрей чутье сильнѣе, чѣмъ у человѣка.

Человѣкъ, когда захочетъ узнать вещь—посмотритъ ее, послушаетъ, какъ она шумитъ, иногда понюхаетъ и отвѣдаетъ; но человѣку для того, чтобы узнать вещь, нужнѣе всего ее пощупать.

А для звѣрей—почти для всѣхъ нужнѣе всего понюхать вещь. Лошадь, волкъ, собака, корова, медвѣдь до тѣхъ поръ не знаютъ вещи, пока ея не понюхаютъ.

Когда лошадь чего-нибудь боится, она фыркаетъ—прочищаетъ себѣ носъ, чтобы лучше чуять, и до тѣхъ поръ не перестанетъ бояться, пока не обнюхаетъ.

Собака часто бѣжитъ за хозяиномъ по слѣду, а увидитъ

хозяина—испугается, не узнаетъ и начнетъ лаять до тѣхъ поръ, пока не обнюхаетъ его и не узнаетъ, что то, что ей на глазъ страшно, есть самый ея хозяинъ.

Быки видятъ, какъ бьютъ быковъ, слышатъ, какъ ревутъ быки на бойнѣ, и все не понимаютъ, чтò такое дѣлается. Но стоитъ коровѣ или быку найти на мѣсто, гдѣ бычачья кровь, да понюхать, и онъ пойметъ, начнетъ ревѣть, бить ногами, и его не отгонишь отъ того мѣста.

У одного старика заболѣла жена; онъ пошелъ самъ доить корову. Корова фыркнула, узнала, что не хозяйка, и не давала молока. Хозяйка велѣла мужу надѣть свою шубейку и платокъ на голову,—корова дала молоко; но старикъ распахнулся, корова понюхала и опять остановила молоко.

Гончія собаки, когда гоняютъ звѣря по слѣду, то никогда не бѣгутъ по самому слѣду, а стороной, шаговъ на 20. Когда незнающій охотникъ хочетъ навесть собаку на слѣдъ звѣря и ткнетъ собаку носомъ въ самый слѣдъ, то собака всегда отскочитъ въ сторону. Для нея слѣдъ такъ сильно пахнетъ, что она ничего не разберетъ на самомъ слѣдѣ и не знаетъ, впередъ или назадъ побѣжалъ звѣрь. Она отбѣжитъ въ сторону и тогда только чуетъ, въ какую сторону сильнѣе пахнетъ, и бѣжитъ за звѣремъ. Она дѣлаетъ то же, что мы дѣлаемъ, если намъ говорятъ громко надъ самымъ ухомъ: мы отойдемъ, и тогда издали только разберемъ, чтò говорятъ; или когда слишкомъ близко отъ насъ то, что мы разсматриваемъ,—мы отстранимся и тогда разсмотримъ.

Собаки узнаютъ другъ друга и даютъ другъ другу знаки по запаху.

Еще тоньше чутье у насѣкомыхъ. Пчела прямо летитъ на тотъ цвѣтокъ, какой ей нуженъ. Червякъ ползетъ къ своему листу. Клопъ, блоха, комаръ чуютъ человѣка на сотни тысячъ клопиныхъ шаговъ.

Если малы частицы тѣ, которыя отдѣляются отъ вещества и попадаютъ въ нашъ носъ, то какъ же малы должны быть частицы тѣ, которыя попадаютъ въ чутье насѣкомыхъ.

Собака и поваръ. (Басня.)

Поваръ готовилъ обѣдъ; собаки лежали у дверей кухни. Поваръ убилъ теленка и бросилъ кишки на дворъ. Собаки подхватили, поѣли и говорятъ: „Поваръ хорошій: хорошо стряпаетъ“.

Немного погодя, поваръ сталъ чистить горохъ, рѣпу и лукъ и выбросилъ обрѣзки. Собаки кинулись: отвернули носы и говорятъ: „Испортился нашъ поваръ: прежде хорошо готовилъ, а теперь никуда не годится“.

Но поваръ не слушалъ собакъ, а стряпалъ обѣдъ по-своему. Обѣдъ съѣли и похвалили хозяева, а не собаки.

Основаніе Рима. (Исторія.)

Былъ одинъ царь, и у него было два сына: Нумиторъ и Амулій. Когда онъ умиралъ, онъ сказалъ сыновьямъ: „Какъ вы хотите раздѣлиться между собою? Кто возьметъ себѣ царство, а кто всѣ мои богатства?“ Нумиторъ взялъ царство, а Амулій взялъ богатства. Когда Амулій взялъ богатства, ему стало завидно, что братъ его царемъ, и онъ сталъ дарить солдатъ и уговаривать, чтобъ они прогнали Нумитора, а его бы поставили царемъ. Солдаты такъ и сдѣлали, а Амулій сталъ царемъ. У Нумитора была дочь. У дочери этой родилась двойня—два мальчика. Оба были велики и красивы.

Амулій боялся, чтобъ народъ не полюбилъ этихъ близнецовъ, когда они выростутъ, и не выбралъ ихъ царями. Онъ позвалъ своего слугу, Фаустина, и сказалъ ему: „Возьми этихъ двухъ мальчиковъ и брось ихъ въ рѣку“.

Рѣка называлась Тибръ.

Фаустинъ положилъ дѣтей въ зыбку, отнесъ на берегъ и положилъ тамъ. Фаустинъ думалъ, что они помрутъ сами, но Тибръ разлился до берега, поднялъ колыбельку, понесъ ее и поставилъ у высокаго дерева. Ночью пришла волчица и стала своимъ молокомъ кормить близнецовъ.

Мальчики выросли большіе и стали красивые и сильные.

Они жили въ лѣсу недалеко отъ того города, гдѣ жилъ Амулій, научились бить звѣрей и тѣмъ кормились. Народъ узналъ ихъ и полюбилъ за ихъ красоту. Большого прозвали Ромуломъ, а меньшого—Ремомъ.

Одинъ разъ пастухи Нумитора и Амулія стерегли скотину недалеко отъ лѣса и поссорились; Амуліевы пастухи угнали стада Нумитора. Близнецы увидали это и побѣжали за пастухами, догнали ихъ и отняли скотину.

Пастухи Нумитора были сердиты за это на близнецовъ, выбрали время, когда Ромула не было, схватили Рема и привели въ городъ къ Нумитору и говорятъ: „Появились въ лѣсу два брата, отбиваютъ скотину и разбойничаютъ. Вотъ мы одного поймали и привели“. Нумиторъ велѣлъ отвести Рема къ царю Амулію. Амулій сказалъ: „Они обидѣли братниныхъ пастуховъ, пускай братъ ихъ и судитъ“. Рема опять привели къ Нумитору. Нумиторъ позвалъ его къ себѣ и спросилъ: „Откуда ты, и кто ты такой?“

Ремъ сказалъ: „Насъ два брата; когда мы были маленькіе, насъ принесло въ колыбелькѣ къ дереву на берегу Тибра, и тамъ насъ кормили дикіе звѣри и птицы. И тамъ мы выросли. А чтобы узнать, кто мы такіе,—у насъ осталась наша зыбка. На ней мѣдныя полоски и на полоскахъ что-то написано“.

Нумиторъ удивился и подумалъ: не его ли это внуки? Онъ оставилъ у себя Рема и послалъ за Фаустиномъ, чтобы спросить его.

Между тѣмъ Ромулъ искалъ брата и нигдѣ не могъ найти его. Когда ему сказали пастухи, что брата повели въ городъ,—онъ взялъ съ собою зыбку и пошелъ за нимъ. Фаустинъ сейчасъ узналъ зыбку и сказалъ народу, что это внуки Нумитора, что Амулій хотѣлъ утопить ихъ. Тогда народъ озлобился на Амулія и убилъ его, а Ромула и Рема выбралъ царями. Но Ромулъ и Ремъ не захотѣли жить въ этомъ городѣ и оставили тутъ царствовать своего дѣда Нумитора. А сами пошли назадъ къ тому мѣсту подъ деревомъ, гдѣ ихъ выкормила волчица подлѣ рѣки Тибра, и построили тамъ новый городъ—Римъ.

Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. (Быль.)

Въ городѣ Владимірѣ жилъ молодой купецъ Аксеновъ. У него были двѣ лавки и домъ.

Изъ себя Аксеновъ былъ русый, кудрявый, красивый и первый весельчакъ и пѣсенникъ. Смолоду Аксеновъ много пилъ и когда напивался—буянилъ, но съ тѣхъ поръ, какъ женился, онъ бросилъ пить, и только изрѣдка случалось это съ нимъ.

Разъ лѣтомъ Аксеновъ поѣхалъ въ Нижній на ярмарку. Когда онъ сталъ прощаться съ семьей, жена сказала ему:

— Иванъ Дмитріевичъ, не ѣзди ты нынче, я про тебя дурно во снѣ видѣла.

Аксеновъ посмѣялся и сказалъ:

— Ты все боишься, какъ бы не загулялъ я на ярмаркѣ?

Жена сказала:

— Не знаю сама, чего боюсь, а такъ дурно видѣла,—видѣла, будто бы ты приходишь изъ города, снялъ шапку, а я гляжу: голова у тебя вся сѣдая.

Аксеновъ засмѣялся.

— Ну, это къ прибыли. Смотри, какъ расторгуюсь, дорогихъ гостинцевъ привезу.

И онъ простился съ семьей и уѣхалъ.

На половинѣ дороги съѣхался онъ съ знакомымъ купцомъ и съ нимъ вмѣстѣ остановился ночевать. Они напились чаю вмѣстѣ и легли спать въ двухъ комнатахъ рядомъ. Аксеновъ не любилъ долго спать; онъ проснулся среди ночи и, чтобы легче холодкомъ было ѣхать, разбудилъ ямщика и велѣлъ запрягать. Потомъ вышелъ въ черную избу, расчелся съ хозяиномъ и уѣхалъ.

Отъѣхавши верстъ сорокъ, онъ опять остановился кормить, отдохнулъ въ сѣняхъ на постояломъ дворѣ и въ обѣдъ вышелъ на крыльцо и велѣлъ поставить самоваръ; досталъ гитару и сталъ играть. Вдругъ ко двору подъѣзжаетъ тройка съ колокольчикомъ. и изъ повозки выходитъ чиновникъ съ

двумя солдатами, подходитъ къ Аксенову и спрашиваетъ: кто, откуда? Аксеновъ все разсказываетъ, какъ есть, и проситъ: не угодно ли чайку вмѣстѣ выпить? Только чиновникъ все пристаетъ съ разспросами: „Гдѣ ночевалъ прошлую ночь: одинъ или съ купцомъ? Видѣлъ ли купца поутру? Зачѣмъ рано уѣхалъ со двора?“ Аксеновъ удивился, зачѣмъ его обо всемъ спрашиваютъ: все разсказалъ, какъ было, да и говоритъ: „Что же вы меня такъ выспрашиваете? Я не воръ и не разбойникъ какой-нибудь. Ѣду по своему дѣлу, и нечего меня спрашивать“.

Тогда чиновникъ кликнулъ солдатъ и сказалъ:

— Я исправникъ и спрашиваю тебя затѣмъ, что купецъ, съ какимъ ты ночевалъ прошлую ночь, зарѣзанъ. Покажи вещи, а вы обыщите его.

Взошли въ избу, взяли чемоданъ и мѣшокъ и стали развязывать и искать. Вдругъ исправникъ вынулъ изъ мѣшка ножикъ и закричалъ:

— Это чей ножикъ?

Аксеновъ поглядѣлъ, видитъ—ножикъ въ крови изъ его мѣшка достали, испугался.

— А отъ чего кровь на ножѣ?

Аксеновъ хотѣлъ отвѣчать, но не могъ выговорить слова:

— Я.... я не знаю.... я.... ножъ.... я.... не мой....

Тогда исправникъ сказалъ:

— Поутру купца нашли зарѣзаннымъ на постели. Кромѣ тебя некому было это сдѣлать. Изба была заперта изнутри, а въ избѣ никого, кромѣ тебя, не было. Вотъ и ножикъ въ крови у тебя въ мѣшкѣ, да и по лицу видно. Говори, какъ ты убилъ его и сколько ты ограбилъ денегъ?

Аксеновъ божился, что не онъ это сдѣлалъ, что не видалъ купца послѣ того, какъ пилъ чай съ нимъ, что деньги у него свои 8.000, что ножикъ не его. Но голосъ у него обрывался, лицо было блѣдно, и онъ весь трясся отъ страха, какъ виноватый.

Исправникъ позвалъ солдатъ, велѣлъ связать и вести его на телѣгу. Когда его съ связанными ногами взвалили на

телѣгу, Аксеновъ перекрестился и заплакалъ. У Аксенова обобрали вещи и деньги, отослали его въ ближній городъ, въ острогъ. Послали во Владиміръ узнать, какой человѣкъ былъ Аксеновъ, и всѣ купцы и жители владимірскіе показали, что Аксеновъ смолоду пилъ и гулялъ, но былъ человѣкъ хорошій. Тогда его стали судить. Судили его за то, что онъ убилъ рязанскаго купца и укралъ 20.000 денегъ.

Жена убивалась о мужѣ и не знала, что думать. Дѣти ея еще всѣ были малы, а одинъ былъ у груди. Она забрала всѣхъ съ собою и поѣхала въ тотъ городъ, гдѣ ея мужъ содержался въ острогѣ. Сначала её не пускали, но потомъ она упросила начальниковъ, и её привели къ мужу. Когда она увидала его въ острожномъ платьѣ, въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ разбойниками,— она ударилась о землю и долго не могла очнуться. Потомъ она поставила дѣтей вокругъ себя, сѣла съ нимъ рядышкомъ и стала сказывать ему про домашнія дѣла и спрашивать его про все, что съ нимъ случилось. Онъ все разсказалъ ей. Она сказала:

— Какъ же быть теперь?

Онъ сказалъ:

— Надо просить царя. Нельзя же невинному погибать!

Жена сказала, что она уже подавала прошеніе царю, но что прошеніе не дошло. Аксеновъ ничего не сказалъ и только потупился. Тогда жена сказала:

— Не даромъ я тогда, помнишь, видѣла сонъ, что ты сѣдъ сталъ. Вотъ ужъ и вправду ты съ горя посѣдѣлъ. Не ѣздить бы тебѣ тогда.

И она начала перебирать его волоса и сказала:

— Ваня, другъ сердечный, женѣ скажи правду: не ты сдѣлалъ это?

Аксеновъ сказалъ: „И ты подумала на меня!“ —закрылся руками и заплакалъ. Потомъ пришелъ солдатъ и сказалъ, что женѣ съ дѣтьми надо уходить. И Аксеновъ въ послѣдній разъ простился съ семьей.

Когда жена ушла, Аксеновъ сталъ вспоминать, что гово-

рили. Когда онъ вспомнилъ, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, онъ ли убилъ купца, онъ сказалъ себѣ: „Видно, кромѣ Бога, никто не можетъ знать правды, и только Его надо просить и отъ Него только ждать милости". И съ тѣхъ поръ Аксеновъ пересталъ подавать прошенія, пересталъ надѣяться и только молился Богу.

Аксенова присудили наказать кнутомъ и сослать въ каторжныя работы. Такъ и сдѣлали.

Его высѣкли кнутомъ и потомъ, когда отъ кнута раны зажили, его погнали съ другими каторжниками въ Сибирь.

Въ Сибири, на каторгѣ, Аксеновъ жилъ 26 лѣтъ. Волоса его на головѣ стали бѣлые, какъ снѣгъ, и борода отросла длинная, узкая и сѣдая. Вся веселость его пропала. Онъ сгорбился, сталъ ходить тихо, говорилъ мало, никогда не смѣялся и часто молился Богу.

Въ острогѣ Аксеновъ выучился шить сапоги и на заработанныя деньги купилъ Четьи-Минеи и читалъ ихъ, когда былъ свѣтъ въ острогѣ; а по праздникамъ ходилъ въ острожную церковь, читалъ Апостолъ и пѣлъ на клиросѣ,—голосъ у него все еще былъ хорошъ. Начальство любило Аксенова за его смиренство, а товарищи острожные почитали его и называли „дѣдушкой" и „божьимъ человѣкомъ". Когда бывали просьбы по острогу, товарищи всегда Аксенова посылали просить начальство, и когда промежъ каторжныхъ были ссоры то они всегда къ Аксенову приходили судиться.

Изъ дому никто не писалъ писемъ Аксенову, и онъ не зналъ, живы ли его жена и дѣти.

Привели разъ на каторгу новыхъ колодниковъ. Вечеромъ всѣ старые колодники собрались вокругъ новыхъ и стали ихъ разспрашивать, кто изъ какого города или деревни и кто за какія дѣла. Аксеновъ тоже подсѣлъ на нары подлѣ новыхъ и, потупившись, слушалъ, кто что разсказывалъ. Одинъ изъ новыхъ колодниковъ былъ высокій, здоровый старикъ лѣтъ 60-ти, съ сѣдой стриженой бородой. Онъ разсказывалъ, за что его взяли. Онъ говорилъ:

— Такъ, братцы, ни за что сюда попалъ. У ямщика лошадь отвязалъ отъ саней. Поймали, говорятъ: „Укралъ". А я говорю: „Я только доѣхать скорѣй хотѣлъ,—я лошадь пустилъ. Да и ямщикъ мнѣ пріятель. Порядокъ, я говорю".—„Нѣтъ, говорятъ, укралъ". А того не знаютъ, что и гдѣ укралъ. Были дѣла, давно бы слѣдовало сюда попасть, да не могли уличить, а теперь не по закону сюда загнали. Да врешь,—былъ въ Сибири да не долго гащивалъ...

— А ты откуда будешь?—спросилъ одинъ изъ колодниковъ.

— А мы изъ города Владиміра, тамошніе мѣщане. Звать Макаромъ, а величаютъ Семеновичемъ.

Аксеновъ поднялъ голову и спросилъ:

— А что, не слыхалъ ли, Семенычъ, во Владимірѣ городѣ про Аксеновыхъ купцовъ? Живы ли?

— Какъ не слыхать! Богатые купцы, даромъ что отецъ въ Сибири. Такой же, видно, какъ и мы грѣшные. А ты самъ, дѣдушка, за какія дѣла?

Аксеновъ не любилъ говорить про свое несчастье: онъ вздохнулъ и сказалъ:

— По грѣхамъ своимъ 26-й годъ нахожусь въ каторжной работѣ.

Макаръ Семеновъ сказалъ:

— А по какимъ же такимъ грѣхамъ?

Аксеновъ сказалъ: „Стало-быть стоилъ того", и не хотѣлъ больше разсказывать, но другіе острожные товарищи разсказали новому, какъ Аксеновъ попалъ въ Сибирь. Они разсказали, какъ на дорогѣ кто-то убилъ купца и подсунулъ Аксенову ножикъ, и какъ за это его понапрасну засудили.

Когда Макаръ Семеновъ услыхалъ это, онъ взглянулъ на Аксенова, хлопнулъ себя руками по колѣнамъ и сказалъ:

— Ну, чудо! Вотъ чудо-то! Постарѣлъ же ты, дѣдушка!

Его стали спрашивать, чему онъ удивлялся и гдѣ онъ видѣлъ Аксенова; но Макаръ Семеновъ не отвѣчалъ, онъ только сказалъ:

— Чудеса ребята,—гдѣ свидѣться пришлось!

И съ этихъ словъ пришло Аксенову въ мысли, что не знаетъ ли этотъ человѣкъ про то, кто убилъ купца? Онъ сказалъ:

— Или ты слыхалъ, Семенычъ, прежде про это дѣло, или видалъ меня прежде?

— Какъ не слыхать! Земля слухомъ полнится. Да давно ужъ дѣло было: что и слыхалъ, то забылъ,—сказалъ Макаръ Семеновъ.

— Можетъ слыхалъ, кто купца убилъ?—спросилъ Аксеновъ.

Макаръ Семеновъ засмѣялся и сказалъ:

— Да, видно, тотъ убилъ, у кого ножикъ въ мѣшкѣ нашелся. Если кто и подсунулъ тебѣ ножикъ, не пойманъ—не воръ. Да и какъ же тебѣ ножикъ въ мѣшокъ сунуть? Вѣдь онъ у тебя въ головахъ стоялъ? Ты бы услыхалъ.

Какъ только Аксеновъ услыхалъ эти слова, онъ подумалъ, что этотъ самый человѣкъ убилъ купца. Онъ всталъ и отошелъ прочь. Всю эту ночь Аксеновъ не могъ заснуть. Нашла на него скука и стало ему представляться: то представлялась ему его жена такою, какою она была, когда провожала его въ послѣднiй разъ на ярмарку. Такъ и видѣлъ онъ ее какъ живую, и видѣлъ ея лицо и глаза, и слышалъ, какъ она говорила ему и смѣялась. Потомъ представлялись ему дѣти, такiя, какiя они были тогда—маленькiя, одинъ въ шубкѣ, другой у груди. И себя онъ вспоминалъ, какимъ онъ былъ тогда—веселымъ, молодымъ: вспоминалъ, какъ онъ сидѣлъ на крылечкѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ его взяли, и игралъ на гитарѣ,—и какъ у него на душѣ весело было тогда. И вспомнилъ лобное мѣсто, гдѣ его сѣкли, и палача, и народъ кругомъ, и цѣпи, и колодниковъ, и всю 26-ти лѣтнюю острожную жизнь, и свою старость вспомнилъ. И такая скука нашла на Аксенова, что хоть руки на себя наложить.

„И все отъ того злодѣя!“—думалъ Аксеновъ.

И на него нашла такая злость на Макара Семенова, что хоть самому пропасть, а хотѣлось отмстить ему. Онъ читалъ молитвы всю ночь, но не могъ успокоиться. Днемъ онъ не подходилъ къ Макару Семенову и не смотрѣлъ на него.

Такъ прошли двѣ недѣли. По ночамъ Аксеновъ не могъ спать, и на него находила такая скука, что онъ не зналъ куда дѣваться.

Одинъ разъ, ночью, онъ пошелъ по острогу и увидалъ, что изъ-подъ одной нары сыплется земля. Онъ остановился посмотрѣть. Вдругъ Макаръ Семеновъ выскочилъ изъ-подъ нары и съ испуганнымъ лицомъ взглянулъ на Аксенова. Аксеновъ хотѣлъ пройти, чтобы не видѣть его; но Макаръ ухватилъ его за руку и разсказалъ, какъ онъ прокопалъ проходъ подъ стѣнами и какъ онъ землю каждый день выноситъ въ голенищахъ и высыпаетъ на улицу, когда ихъ гоняютъ на работу. Онъ сказалъ:

— Только молчи, старикъ, я и тебя выведу. А если скажешь,—меня засѣкутъ, да и тебѣ не спущу—убью.

Когда Аксеновъ увидалъ своего злодѣя, онъ весь затрясся отъ злости, выдернулъ руку и сказалъ:

— Выходить мнѣ не зачѣмъ и убивать меня нечего,— ты меня уже давно убилъ. А сказывать про тебя буду или нѣтъ,—какъ Богъ на душу положитъ.

На другой день, когда вывели колодниковъ на работу, солдаты примѣтили, что Макаръ Семеновъ высыпалъ землю, стали искать въ острогѣ и нашли дыру. Начальникъ пріѣхалъ въ острогъ и сталъ всѣхъ допрашивать: кто выкопалъ дыру? Всѣ отпирались. Тѣ, которые знали, не выдавали Макара Семенова, потому что знали, что за это дѣло его засѣкутъ до полусмерти. Тогда начальникъ обратился къ Аксенову. Онъ зналъ, что Аксеновъ былъ справедливый человѣкъ, и сказалъ:

— Старикъ, ты правдивъ; скажи мнѣ передъ Богомъ, кто это сдѣлалъ.

Макаръ Семеновъ стоялъ какъ ни въ чемъ не бывало и смотрѣлъ на начальника, и не оглядывался на Аксенова. У Аксенова тряслись руки и губы, и онъ долго не могъ слова выговорить. Онъ думалъ: „Если скрыть его, за что же я его прощу, когда онъ меня погубилъ? Пускай поплатится за мое

мученье. А сказать на него, точно—его засѣкутъ. А что какъ я понапрасну на него думаю? Да что жъ, мнѣ легче развѣ будетъ?"

Начальникъ еще разъ сказалъ: „Ну что же, старикъ, говори правду: кто подкопался?"

Аксеновъ поглядѣлъ на Макара Семенова и сказалъ:

— Я и не видалъ и не знаю.

Такъ и не узнали, кто подкопался.

На другую ночь, когда Аксеновъ легъ на свою нару и чуть задремалъ, онъ услыхалъ, что кто-то подошелъ и сѣлъ у него въ ногахъ. Онъ посмотрѣлъ въ темнотѣ и узналъ Макара.

Аксеновъ сказалъ:

— Что тебѣ еще отъ меня надо? Что ты тутъ дѣлаешь?

Макаръ Семеновъ молчалъ. Аксеновъ приподнялся и сказалъ:

— Что надо? Уйди! А то я солдата кликну.

Макаръ Семеновъ нагнулся близко къ Аксенову и шепотомъ сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня!

Аксеновъ сказалъ: „За что тебя прощать!"

— Я купца убилъ, я и ножикъ тебѣ подсунулъ, я и тебя хотѣлъ убить, да на дворѣ зашумѣли: я сунулъ тебѣ ножикъ въ мѣшокъ и вылѣзъ въ окно.—Аксеновъ молчалъ и не зналъ, что сказать. Макаръ Семеновъ спустился съ нары, поклонился въ землю и сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня, прости ради Бога. Я объявлюсь, что я купца убилъ,—тебя простятъ. Ты домой вернешься.

Аксеновъ сказалъ:

— Тебѣ говорить легко, а мнѣ терпѣть каково?! Куда я пойду теперь?... Жена померла, дѣти забыли; мнѣ ходить некуда...

Макаръ Семеновъ не вставалъ съ полу и бился головой о землю и говорилъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости! Когда меня кнутомъ сѣкли, мнѣ легче было, чѣмъ теперь на тебя смотрѣть... А ты

еще пожалѣлъ меня—не сказалъ. Прости меня, ради Христа! Прости ты меня, злодѣя окаяннаго!—и онъ зарыдалъ.

Когда Аксеновъ услыхалъ, что Макаръ Семеновъ плачетъ, онъ самъ заплакалъ и сказалъ:

— Богъ проститъ тебя; можетъ быть я во сто разъ хуже тебя!—И вдругъ у него на душѣ легко стало. И онъ пересталъ скучать о домѣ, и никуда не ходилъ изъ острога, а только думалъ о послѣднемъ часѣ.

Макаръ Семеновъ не послушался Аксенова и объявился виноватымъ. Когда вышло Аксенову разрѣшеніе вернуться,— Аксеновъ уже умеръ.

Кристаллы. (Разсужденіе).

Если сыпать въ воду соль и мѣшать, то соль станетъ расходиться и такъ разойдется въ водѣ, что не видать будетъ соли; но если сыпать еще и еще соли, то подъ конецъ соль уже перестанетъ распускаться, а сколько ты ее ни мѣшай, такъ и останется бѣлымъ порошкомъ въ водѣ. Вода насытилась солью и больше ужъ принять не можетъ. Но если разогрѣть воду, она приметъ еще; и соль, та, которая не распускалась въ холодной водѣ, распустится въ горячей. Но если еще насыпать соли, тогда ужъ и горячая вода не приметъ больше соли. А если больше станешь грѣть воду, то сама вода уйдетъ паромъ, и соли еще больше останется. Такъ на каждую вещь, какую вода распускаетъ, у воды есть мѣра, дальше чего ей нельзя распустить. Каждую вещь вода распускаетъ больше, когда горяча, чѣмъ когда холодна, но все же—какъ насытится горячая вода, такъ дальше ужъ не принимаетъ. Вещь останется сама по себѣ, а вода уйдетъ паромъ.

Если насытить воду селитрянымъ порошкомъ, а потомъ подсыпать еще селитры лишней, все согрѣть и не мѣшавши дать остынуть, то селитра лишняя не ляжетъ порошкомъ на днѣ воды, а соберется вся шестигранными столбиками и сядетъ на днѣ и по бокамъ, столбикъ подлѣ столбика. Если

насытить воду селитрянымъ порошкомъ и поставить въ теп-ломъ мѣстѣ, то вода уйдетъ паромъ, а селитра лишняя также сложится столбиками шестигранными.

Если насытить воду простою солью, согрѣть и также дать уйти водѣ паромъ, то лишняя соль сложится тоже не порош-комъ, а кубиками. Если насытить воду селитрой съ солью вмѣстѣ, лишняя селитра и соль не смѣшаются, сложатся каждая по-своему—селитра столбиками, а соль кубиками.

Если насытить воду известкой, или другою солью, или еще чѣмъ-нибудь, то каждая вещь, когда вода выйдетъ па-ромъ, сложится по-своему: какая въ трехгранные столбики, какая въ восьмигранные, какая кирпичиками, какая звѣздоч-ками,—каждая по своему. Эти-то фигуры разныя бываютъ во всѣхъ крѣпкихъ вещахъ. Иногда фигуры эти большія, въ руку; такіе находятъ камни въ землѣ. Иногда фигуры эти такъ малы, что простымъ глазомъ не разберешь ихъ; но въ каждой вещи есть свои фигуры.

Если, когда вода насыщена селитрой и въ ней начинаютъ складываться фигуры, отломить иголочкой край фигуры, то опять на то же мѣсто придутъ новые кусочки селитры и опять задѣлаютъ отломанный край точно такъ, какъ ему надо быть,—шестигранными столбиками. То же самое и съ солью и со всякой другой вещью. Всѣ маленькія порошинки сами воро-чаются и представляются той стороной, какой надо.

Когда замерзаетъ ледъ, то дѣлается то же самое.

Летитъ снѣжинка—въ ней не видать никакой фигуры; но какъ только она сядетъ на что-нибудь темное и холодное, на сукно, на мѣхъ, въ ней можно разобрать фигуру: увидишь звѣздочку или шестиугольную дощечку. На окнахъ паръ при-мерзаетъ не какъ попало, а какъ онъ станетъ примерзать, такъ сейчасъ сложится въ звѣздочку.

Что такое ледъ? Эта холодная, крѣпкая вода. Когда изъ жидкой воды дѣлается крѣпкая вода, она складывается въ фигуры, и изъ нея выходитъ тепло. То же самое дѣлается съ селитрой: когда она изъ жидкой складывается въ крѣпкія

фигуры, изъ нея выходитъ тепло. То же съ солью, то же съ плавленнымъ чугуномъ, когда онъ изъ жидкаго дѣлается крѣпкимъ. Когда какая-нибудь вещь изъ жидкой дѣлается крѣпкой,—изъ нея выходитъ тепло, и она складывается въ фигуры. А когда изъ крѣпкой дѣлается жидкой, то вещь забираетъ въ себя тепло, и изъ нея выходитъ холодъ, и фигуры ея распускаются.

Принеси плавленнаго желѣза и дай ему остывать; принеси тѣста горячаго и дай ему остывать; принеси извести гашеной и дай ей остывать,—будетъ тепло. Принеси льду и тай его,—станетъ холодно. Принеси селитры, соли и всякой вещи, какая въ водѣ расходится, и распускай ее въ водѣ,—станетъ холодно. Чтобъ заморозить мороженое, сыплютъ соль въ воду.

Волкъ и коза. (Басня.)

Волкъ видитъ—коза пасется на каменной горѣ, и нельзя ему къ ней подобраться; онъ ей и говоритъ: „Пошла бы ты внизъ: тутъ и мѣсто поровнѣе, и трава тебѣ для корма много слаще“.

А коза и говоритъ: „Не за тѣмъ ты, волкъ, меня внизъ зовешь,—ты не объ моемъ, а о своемъ кормѣ хлопочешь“.

Поликратъ Самосскій. (Исторія.)

Былъ одинъ греческій царь Поликратъ. Онъ во всемъ былъ счастливъ. Онъ завоевалъ много городовъ и сталъ очень богатъ. Поликратъ и описалъ въ письмѣ всю свою счастливую жизнь, и послалъ это письмо своему другу, царю Амазису, въ Египетъ. Амазисъ прочелъ письмо и написалъ Поликрату отвѣтъ, онъ писалъ такъ: „Пріятно бываетъ знать друга въ удачѣ. Но мнѣ твое счастье не нравится. По-моему лучше бываетъ, когда человѣку въ одномъ дѣлѣ удача, а въ другомъ нѣтъ,—чтобы было въ перемежку. Послушай меня и сдѣлай вотъ что: что есть у тебя дороже всего, то возьми и брось куда-нибудь въ такое мѣсто, чтобы не попалось людямъ. И тогда у тебя будетъ счастье въ перемежку съ несчастьемъ“.

Поликратъ прочелъ это и послушался своего друга. Онъ сдѣлалъ вотъ что: былъ у него дорогой перстень; взялъ онъ этотъ перстень, собралъ много народа и сѣлъ со всѣмъ народомъ въ лодку. Потомъ велѣлъ ѣхать въ море. И когда выѣхалъ далеко за острова, тогда при всемъ народѣ бросилъ перстень въ море и вернулся домой.

На пятый день одному рыбаку случилось поймать очень большую, прекрасную рыбу и захотѣлъ онъ подарить ее царю. Вотъ пришелъ онъ къ Поликрату на дворъ, и когда Поликратъ вышелъ къ нему, рыбакъ сказалъ: „Царь, я поймалъ эту рыбу и принесъ тебѣ, потому что такую прекрасную рыбу только царю кушать". Поликратъ поблагодарилъ рыбака и позвалъ его къ себѣ обѣдать. Рыбакъ отдалъ рыбу и пошелъ къ царю, а повара разрѣзали рыбу и нашли въ ней тотъ самый перстень, что Поликратъ бросилъ въ море.

Когда повара принесли Поликрату его перстень и разсказали, какъ они нашли его,—Поликратъ написалъ другое письмо въ Египетъ къ своему другу Амазису и описалъ, какъ онъ бросилъ перстень и какъ онъ нашелся. Амазисъ прочелъ письмо и подумалъ: „Это не къ добру,—видно нельзя уйти отъ судьбы. А лучше мнѣ разойтись съ своимъ другомъ, чтобы потомъ не жалѣть его",—и онъ послалъ сказать Поликрату, что дружбѣ ихъ конецъ.

Въ то время былъ одинъ человѣкъ—Оройтесъ. Этотъ Оройтесъ былъ сердитъ на Поликрата и хотѣлъ погубить его. Вотъ Оройтесъ придумалъ какую хитрость. Написалъ онъ Поликрату, что будто Персидскій царь Камбизъ обидѣлъ его и хотѣлъ убить, и что онъ будто ушелъ отъ него. Оройтесъ такъ писалъ Поликрату: „У меня много богатствъ, но я не знаю, гдѣ мнѣ жить. Прими ты меня къ себѣ съ моими богатствами, и тогда мы съ тобой сдѣлаемся самые сильные цари. А если ты не вѣришь, что у меня много богатствъ, такъ пришли кого-нибудь посмотрѣть".

Поликратъ и послалъ своего слугу посмотрѣть, правда ли, что Оройтесъ привезъ столько богатствъ. Когда слуга пріѣхалъ

смотрѣть богатства, Оройтесъ такъ обманулъ его: онъ взялъ много лодокъ и во всѣ наложилъ камни, а сверхъ камней до краевъ заложилъ золотомъ.

Когда слуга Поликрата увидѣлъ эти лодки, онъ повѣрилъ, что лодки всѣ по края были полны золотомъ; такъ и разсказалъ Поликрату.

Тогда Поликратъ захотѣлъ самъ ѣхать къ Оройтесу—смотрѣть его богатства. Въ эту самую ночь дочь Поликрата увидѣла во снѣ, что онъ будто виситъ на воздухѣ. Дочь и стала просить отца, чтобъ онъ не ѣздилъ къ Оройтесу; но отецъ разсердился и сказалъ, что онъ ея не отдастъ замужъ, если она не замолчитъ сейчасъ. А дочь сказала: „Я рада никогда не идти замужъ, только не ѣзди ты къ Оройтесу: я боюсь, что съ тобой случится бѣда".

Отецъ не послушался ея и поѣхалъ. Когда онъ пріѣхалъ, Оройтесъ схватилъ его и повѣсилъ до смерти. Такъ-то сонъ дочери и совершился.

Такъ и случилось, какъ угадалъ Амазисъ, что большое счастіе Поликрата кончилось большимъ несчастіемъ.

Вольга богатырь. (Стихи—сказка.)

Что не мелки часты звѣздочки
Разсажáлись по поднéбесью,
Что не ясенъ свѣтелъ мѣсяцъ
Просвѣтúлъ въ небѣ высóкоемъ,—
Освѣтúло красно сóлнышко
Нашу зéмлю святорýсскую:
На святóй Руси на мáтушкѣ
Народúлся удалъ мóлодецъ
Свѣтъ Вольгà—сударь Буслáевичъ,
Отъ рождéнья богатырскаго
Потряслàся мать сырà земля,
Море сúне всколыбáлося
Рыбы въ глýбь моря забúлися,
Звѣри въ чáщи схоронúлися,
Потряслòсь царство турéцкое.
Выростàлъ Вольга семú годовъ—
Захотѣлъ онъ много мýдрости,
Къ мудрецàмъ задался въ выучку
И въ наýкъ пошло учéніе.
Понимàлъ Вольга всѣ мýдрости:
Обучúлся первой мýдрости—
Оборàчиваться птúцею;
Обучúлся другой мýдрости—
Оборàчиваться рыбою;
Обучúлся третьей мýдрости—
Сѣрымъ вóлкомъ ся обѐртывать.
Какъ и стàлъ Вольга въ пятнàдцать лѣтъ,
Подбирàлъ Вольга дружúнушку;
И собралъ онъ себѣ рóвнюшекъ—
Удалыхъ ли добрыхъ мóлодцевъ—
Тридцать брáтьевъ безъ едúнаго,

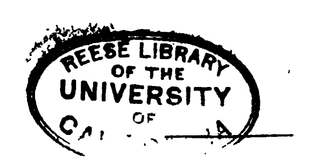
Становился самъ въ тридцатыихъ.
Какъ и сталъ Вольга съ дружиною
На крутомъ яру у Кіева,
Взговоритъ Вольга Буслаевичъ:
„Вы, дружина моя храбрая,
„Тридцать братьевъ безъ единаго,
„Самъ Вольга я во тридцатыихъ,—
„Вы большого брата слушайте,
„Повелено дѣло дѣлайте:
„Повяжите сѣти шелковы,
„Опускайте въ море синее“.
Тутъ Вольгу дружина слушалась:
Повязала сѣти шелковы,
Опускала въ море синее.
Рыбой Вольга ся обертывалъ,
Рыбой-щукою зубастою,
Во станы поплылъ глубокіе,
Распугалъ всю рыбу красную,
Загонялъ рыбу во часты сѣти.
Какъ и сталъ Вольга съ дружиною
На крутомъ яру у Кіева,
Взговорилъ Вольга Буслаевичъ:
„Вы, дружина моя храбрая,
„Тридцать братьевъ безъ единаго,
„Самъ Вольга я во тридцатыихъ,—
„Брата большого вы слушайте,
„Повелено дѣло дѣлайте:
„Вейте шелковы веревочки,
„Разстанавливайте по лѣсу,
„На звѣриныхъ ли на тропочкахъ“
Тутъ Вольгу дружина слушалась:
Вила шелковы веревочки,
Разстанавливала по лѣсу,
Звѣремъ Вольга ся обертывалъ,
Сѣрымъ волкомъ голенастыимъ,

Поскакалъ въ лѣса дремучіе,
Во глухи ломы, во чащицы.
Распугалъ онъ звѣря куннаго,
Загонялъ звѣря во пételьки.
Какъ и сталъ Вольга съ дружиною
На крутомъ яру у Кіева,
Взговоритъ Вольга Буслаевичъ:
„Половили мы всю рыбушку
„Изъ синя моря глубокаго,
„Половили звѣря куннаго
„Изъ темныхъ лѣсовъ дремучіихъ:
„А и будетъ ли тотъ молодецъ,
„Чтобъ сходилъ въ царство турецкое
„Ко царю Салтанъ Бекетычу,
„Свѣдать думу его царскую".
Молодцы тутъ стали прятаться,
Что большой да за середняго,
А середній что за меньшаго,
А отвѣта нѣтъ отъ меньшаго.
Говоритъ Вольга Буслаевичъ
„Вольгѣ будетъ самому идти".
Птицей Вольга ся обертывалъ,
Высоко взвился подъ небесью:
Прилеталъ въ царство турецкое,
На оконце сѣлъ косящато.
Сидитъ царь Салтанъ Бекетовичъ
Со царицею Давыдьевной,—
Разговоры разговарива(е)тъ:
Говоритъ Салтанъ Бекетовичъ:
„Ты, жена моя возлюбленна,
„Молода ли свѣтъ Давыдьевна,
„Воевать хочу святую Русь,
„Хочу взять я славный Кіевъ градъ,
„Подарить хочу по городу
„Девяти сынамъ по русскому;

„Да привѐзть хочу я шу́боньку
„Дорогу́ю, соболи́ную".
Взговори́тъ ему Давыдьевна:
„Гой ты, цѐрь Салтанъ Беке́товичъ!
„Ты напра́сно снаряжа́ешься
„Воевать на землю ру́сскую,
„Али ты того не вѣдаешь—
„На Руси́ все не по ста́рому.
„Освѣти́ло красно со́лнышко
„Славну зе́млю святору́сскую:
„Народи́лся удалъ мо́лодецъ
„Богатырь Вольга̀ Бусла́евичъ:
„Онъ тепѐрь Вольга Бусла́евичъ
„На окнѣ́ сидитъ и слу́шаетъ
„Наши рѣ́чи съ тобой та́йныя.
„Не возьмѐшь ты славный Кіѐвъ градъ,
„Не пода́ришь ты по го́роду
„Девяти́ сынамъ по ру́сскому,
„А пропа̀сть твоей голѐвушкѣ
„Отъ того́ Вольги Бусла̀(е)вича".
Тѣмъ слова̀мъ Салтанъ не вѣ́ровалъ
На цари́цу царь прогнѣ̀вался—
По лицу ударилъ бѣ́лому,
Прогоня̀лъ онъ съ глазъ Давыдьевну.
Догада́лся Вольгъ Бусла́евичъ,
Горноста̀емъ ся обѐртывалъ,
Въ погреба̀ бѣжалъ глубо́кіе.—
Онъ тети́вочки шелко́выя
На лукахъ тугихъ наку́сывалъ,
Съ каленыхъ-отъ стрѣлъ желѣ́зочки
Онъ повынималъ—зака̀пывалъ,
Обора́чивался пти́цею,
Прилета̀лъ назадъ ко Кіеву,
Собиралъ свою дружи́нушку,
Подходи́лъ къ царству туре́цкому.

Царство крѣпко огорожено
Стѣной каменной, высокою.
Во стѣнѣ ворота крѣпкія,
По булату золоченыя,
А засовы—крюки мѣдные,
Подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Мелкимъ вырѣзомъ вырѣзана,
По мудренымъ мелкимъ вырѣзамъ,
Въ пору ли пролѣзть мурашику.
Тутъ дружина закручинилась:
„Какъ пройти намъ стѣны каменны.
„Погубить ли добрымъ молодцамъ
„Намъ головушки напрасныя?“
Догадался Вольгъ Буслаевичъ:
Мурашомъ себя обертывалъ,
Добрыхъ молодцевъ мурашками,—
Пролѣзалъ съ своей дружиною
Въ подворотню зуба рыбьяго;
За стѣной Вольга Буслаевичъ
Оборачивалъ мурашиковъ—
Молодцами съ сбруей ратною.
Взговоритъ ли Вольгъ Буслаевичъ:
„Вы большого брата слушайте,
„Повелѣно дѣло дѣлайте:
„Въ славномъ царствѣ во турецкіимъ
„Вырубайте старъ и малаго.
„Изведите всѣхъ до кореня:
„Оставляйте только лучшіихъ
„Тридцать душекъ красныхъ дѣвушекъ“.
Тутъ Вольгу дружина слушалась:
Въ славномъ царствѣ во турецкіимъ
Вырубала старъ и малаго,
Изводила всѣхъ до кореня,
Не оставила на сѣмена;
Оставляла только лучшіихъ

Тридцать ду́шекъ красныхъ дѣвушекъ.
Самъ Вольга́ царя отыскивалъ
Во пала́тахъ его ка̀менныхъ:
Двери за́перты желѣзныя,
Во дверяхъ засовы крѣпкіе:
Взговори́тъ ли Вольгъ Бусла́евичъ:
„Хоть ногу́ сломать, а вы́ставить!"
Пнулъ ногой двери желѣзныя,
Полома̀лъ засовы крѣпкіе;
Царя сла́внаго турѐцкаго
Бралъ Вольга́ за ручки бѣлыя.
Говори́лъ Вольга Бусла́евичъ:
„А не бью́тъ царей, не ка́знятъ васъ",—
Царя хло̀пнулъ о кирпи́щатъ полъ,
И расши́бъ Салтана вдре́безги.
Тутъ дружи́ну свою хра́брую
Вольга по̀ровну одѣливалъ—
Табуно̀въ коней по тысячѣ,
По боче́нку красна зо̀лота,
Да по дѣвушкѣ на мо̀лодца.

208224
Tolstoi

